

ЭКЗАМЕН ПО СОЦИАЛИЗАЦИИ

Оксана Алексеева

Оксана Алексеева

Экзамен по социализации

«Автор»

2020

Алексеева О.

Экзамен по социализации / О. Алексеева — «Автор», 2020

Даша – извечная жертва в школе, которая уже и забыла, как чувствовать себя человеком. Но все переворачивается с ног на голову, когда она знакомится с двумя необычными людьми. Мира и Макс, выжившие дети разрушенной Организации, только учатся социализации. Они не умеют любить, дружить, ненавидеть, бояться. И они не признают слабости. Но они, как и Даша, просто хотят найти свое место в мире.

Содержание

Глава 1. Седьмой и Девятая	5
Глава 2. Предсоциализация	13
Глава 3. Первый опыт социализации	19
Глава 4. Погружение	25
Глава 5. Культура: физическая и социальная	32
Глава 6. Изменение ролей	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Оксана Алексеева

Экзамен по социализации

Глава 1. Седьмой и Девятая

- Брат, как думаешь, мы бессмертны?
- Не городи чушь, Девятая. Мы такие же смертные, как и остальные. Спи.
- Не называй меня так! Меня зовут Мира! В детском доме такие правила.
- В детском доме правила подразумевают отбой в десять. А правила...
- ...нельзя нарушать.

* * *

– Дашу-у-уля! – тошнотворно громкий крик огласил кабинет, вызвав предсказуемые смешки. – Ты куда это от меня сбежала, красота моя неразумная?

Костя завалился на свободное место рядом, а я не смогла сдержать недовольного шипения, правда, очень тихого. Вообще, я привыкла терпеть молча – иногда это помогало. Костя выхватил из-под моего локтя тетрадь, открыл ее на последнем домашнем задании и начал старательно прорисовывать огромный член поверх выполненных заданий. Мои слабые попытки остановить его результата не дали. И я прекратила. Ничего страшного. У меня в рюкзаке есть черновик – сдам его. Учителям обычно и дела нет, почему я так часто «делаю» домашки не в тетрадях.

Я знала, что в сложившейся ситуации виновата сама. Это я допустила ошибку еще два года назад, что и привело дела к текущему состоянию. В старой школе я, может, звездой и не была, но общей неприязни никогда не вызывала. Училась отлично, со всеми одноклассниками отношения были доброжелательными. Кто бы мог подумать, что перевод в профильную гимназию с языковым уклоном так кардинально изменит мою жизнь? Оптимистично настроенная, знающая, чего стоил мой перевод родителям, я очень переживала, что не смогу потянуть новый уровень, поэтому старалась изо всех сил. Видимо, слишком старалась. Первая ошибка была допущена еще в самом начале, когда я только пришла в новую школу. После ответа Константина Белова, считавшегося лучшим в классе, учительница английского обратилась к остальным:

– Да, рассказ получился хорошим. Но кто заметил ошибку?

Мне нужно было зарекомендовать себя перед учителем, показать, что место в этом классе получено не просто так, потому, волнуясь, я подняла руку и после разрешения ответила:

– В последнем предложении правильнее было бы использовать Past Perfect Continuous, там ведь есть уточнение...

– Верно! Садись, Костя, четыре. Молодец, Даша, тебе пятерка за внимательность.

И еще не успев ощутить прилив радости от одобрения учителя, я поняла, что сделала неверный ход: на меня разом уставилось несколько пар глаз, и даже раздалось тихое: «Сильно умная?» Сам Костя лишь усмехнулся.

Нет, это еще не стало началом катастрофы. Только незначительная неприязнь, которая быстро бы забылась. Но на свою беду я не сделала нужного вывода: отношения с одноклассниками бывают важнее, чем уважение учителей. И сама сильно ухудшила ситуацию уже через неделю, когда наша классная руководительница – заполошная девушка – поймала меня в коридоре перед уроками и, преданно заглядывая в глаза, спросила:

– А ты почему не на олимпиаде? Там ведь Белов сегодня участвует, весь класс пошел его поддержать!

За что мне ставят пятерки? Мне – не умеющей думать. Мне – полной идиотке.

– Так ведь Белову вчера из комитета позвонили! Сказали, что приехать должны только участники. У них, оказывается, мест посадочных не хватает для зрителей. Их даже не запустят в институт. Он должен был вас предупредить...

И в ее округлившись глазах прочитала смертный приговор: я сдала весь класс, который сбежал с уроков, пользуясь тем, что никому из учителей новое решение комитета не известно. И если первой ошибкой я только обозначила место своей могилы, то второй – сразу вырыла траншею, в которой меня будут хоронить до самого окончания школы.

Конечно, на следующий день получили все. Мучительные нравоучения, звонки родителям, а Белову, который был обязан рассказать руководству о сообщении из комитета, досталось сильнее прочих: речь даже шла об исключении, но потом сошлись на дисциплинарном наказании – он был вынужден дежурить в классе целый месяц. И даже занятое в олимпиаде второе место тут же потонуло в негативе от директора и учителей. Получили все. Но я больше остальных.

Чувство вины и осознание собственной глупости заставили меня встать перед классом и промямлить:

– Ребята... Костя... Пожалуйста, извините меня! Я ведь не знала, что так получится. Меня никто не предупредил! Я не знала...

Первая скомканная бумажка прилетела мне прямо в лицо, обозначая начало новой эпохи.

Вопреки моим смутным надеждам, это была не холодная война, а активная целенаправленная политика издевательств. Меня оскорбляли, шпыняли так, что пару раз втайне от мамы приходилось зашивать пиджак, прятали сменную обувь, а школьную форму после занятий физкультурой я не раз находила в унитазе. Это делали все, потому что многим для такого было достаточно команды. Первая – пусть и неявная – просто в виде одобрения, была получена от Белова, а дальше им уже хватало одобрения друг друга. Меня захлестывала обида, но понимая, что катализатором стала моя собственная глупость, я, забыв об остатках гордости, сама искала способы свернуть конфликт.

Когда Белов в очередной раз дежурил после уроков, я попыталась проскользнуть в класс, но была остановлена охранником:

– Он должен убираться один. Никакой помощи! Распоряжение директора. Ты уж прости, Николаева, не могу разрешить.

– Я... Я тогда не буду помогать. Мне поговорить с ним нужно. Пожалуйста!

Охранник ничего не ответил и зашагал дальше по коридору, давая понять, что пара минут у меня есть.

– Костя! – я прикрыла за собой дверь, не желая, чтобы наш разговор был подслушан. – Костя!

Тот елозил шваброй из стороны в сторону, не особо заботясь о том, чтобы на полу не оставалось разводов.

– Костя! – нужно было просто говорить, не дожидаясь ответа. – Пожалуйста, извини! Что мне сделать, чтобы ты и остальные меня простили?

– Возвращайся назад в свою школу. Тут ты учиться не будешь. – Я даже вздрогнула, потому что не ждала, что он хоть что-то скажет.

О, этот вариант я, конечно, обмозговала со всех сторон. Но как растолковать своим старым друзьям, почему я вернулась? Что сказать родителям, которые чуть ли не молились на эту гимназию? Как объяснить себе в будущем, почему упустила такой шанс?

– Костя... – я не поднимала на него взгляда. – Пожалуйста, прости. Я не могу уйти. Ну неужели ты никогда не ошибался?

Швабра стукнулась об пол, поэтому я решила поднять голову.

– Ты, крыса, знаешь, что сделал мой отец? – он даже побледнел от ярости.

Я открыла рот, не находя ответа. По спине растекся холод. До сих пор мне и в голову не приходило, что Косте досталось не только от руководства школы. Его бьют дома? Состоятельная семья, солидные родители... Но чего только не бывает.

– Что он тебе сделал? – все же выдавила я.

– Мне? – Костя уже взял себя в руки и рассмеялся. – Мне он ничего не сделал! Сказал, что я поступил так, как поступил бы любой достаточно смелый девятиклассник. А вот крыс из коллектива надо изгонять.

– Костя...

Он перебил:

– Давай, встань передо мной на колени. Попроси прощения как следует, и тогда я подумаю.

Голова почему-то закружилась. Сильно, до отупения. Еще и постыдные слезы мешали сосредоточиться. Это я виновата! Я! Так разве сейчас не время засунуть гордость куда подальше, лишь бы исправить собственную ошибку? И сама не поняла, как ноги подкосились, опуская тело на мокрый пол, а изо рта вырвалось: «Прости, прости, прости».

Из этого гнусного оцепенения меня вывел взрыв смеха. Костя, хохоча во всю глотку, как бешеная гиена, обходил вокруг, снимая мой позор на телефон. Я вскочила на ноги и вылетела в коридор, проклиная себя за слабость. На следующий день это видео было уже у всех одноклассников. И почему я решила, что, унизив себя, заслужу их уважение? Конечно, ситуация только усугубилась.

В общем, девятый класс был адом. В конце концов я прекратила все попытки наладить хоть какие-то отношения с одноклассниками. Когда все начиналось, никто и не подумал бы встать на мою защиту. Более того, слабые члены любого сообщества только рады, когда гнобят кого-то другого. Даже сами принимают участие в травле, лишь бы оказаться на стороне сильных. Так что мне еще повезло, что дело ни разу не дошло до серьезного вреда здоровью. Физического, не морального. Потому что морально я была раздавлена: ревела ночами в подушку, не находя уже воли на то, чтобы продолжать сопротивляться бесконечному насилию. А потом, в очередной раз сцепив зубы и повторив себе, что учеба в лучшей школе нашего города стоит таких издержек, шла на уроки, чтобы продолжать терпеть. К концу девятого класса меня отучили тянуть руку на занятиях, есть в общей столовой, обращаться к кому-то за любой помощью и даже здороваться с одноклассниками. Меня чурались, как проказы, в том числе и те, кто не был так же агрессивен, как сам Костя. Кстати говоря, учителя, случайно ставшие свидетелями некоторых неприятных эпизодов, никакого участия в моей судьбе тоже не принимали. Я иногда даже мечтала о том, чтобы Костя или кто-то из его друзей меня избил до синяков, чтобы они сделали нечто такое, что руководство школы уже не смогло бы проигнорировать. Но этого не происходило, а значит, все продолжало идти своим чередом. Была, правда, учительница, получившая среди школьников прозвище «Снежная Королева». Что-то было в ней такое... какая-то внутренняя сила, с которой все считались. Даже Костя перестал меня донимать после ее равнодушной фразы: «Слушай, Белов, помолчи. И не подходи к Николаевой ближе, чем на два метра, а то... меня это раздражает». Сказано это было без малейшего раздражения, но с тех пор занятия по английскому стали для меня единственным временем, лишенным нервозности. Но потом наша Снежная Королева ушла в декретный отпуск, и все прекратилось.

В десятом классе ад продолжился. Теперь уже никто толком и вспомнить не мог, с чего все началось. Меня травили по привычке, от скуки, словно исполняли ритуал. Некоторым это надоело, но и они даже не помышляли о том, чтобы разговаривать со мной – такое тоже могло обернуться неприятностями. В этот период я нашла себе тихую гавань: да, все сложи-

лось именно так, но я буду выживать. Мне никто из них не нужен. Главное, чтобы родители и друзья из старой школы не узнали о происходящем.

Физическое насилие практически полностью прекратилось, а до насмешек мне уже почти не было дела. К концу десятого класса я даже улучшила успеваемость, которая еще недавно катилась в пропасть подобно Ниагаре. С устными ответами до сих пор было сложно, но зато по итогам письменных работ мои оценки опять подтянулись. Самое важное, я перестала чувствовать себя виноватой, потому что давным-давно с лихвой расплатилась за ошибку. Гонения шли уже не из-за того случая, а просто потому, что это любимое развлечение для шакалов.

В одиннадцатом все резко изменилось, но, как ни парадоксально, стало еще хуже. Прямо первого сентября Костя во всеуслышание заявил, что я его девушка и «мы любим друг друга давно и сильно», что вызвало только взрыв хохота. Ну конечно, после «морды очкастой», «эй, зануды» и «пятерочной жопы» это звучало очередным издевательством, чем, по сути, и являлось. Теперь игра шла по другим правилам: Костя обнимал меня и смачно целовал в щеку, несмотря на сопротивление, обматывал мою голову пыльным тюлем, называя «невестой», отвечивал сомнительные комплименты типа «О, шкура, а ты сегодня голову помыла? Прямо красавица!» или «Дашенька, душа моя, пойдем, отсосешь мне за углом?» От его настырного внимания тошнило.

Справедливости ради надо заметить, что за стенами школы никаких преследований не было, чего я всегда подспудно опасалась. Поэтому после звонка с последнего урока ежедневно начиналась нормальная жизнь: хорошая семья, старые знакомые, никто из которых не был в курсе моих школьных проблем. Я не рассказывала об этом по одной простой причине – мне было стыдно выглядеть в их глазах таким ничтожеством.

Костя уже отвешивал очередную колкость в мой адрес, дабы ежедневное представление для зрителей произвело ожидаемый эффект, но конец его фразы утонул в звонке, знаменующем начало урока. С появлением в аудитории учителя мой личный садист все же вел себя несколько сдержаннее. На этот раз Николай Степанович, наш учитель русского языка, зашел не один, а в сопровождении классной руководительницы и незнакомых парня и девушки.

– А у нас пополнение! – звонко защебетала Анна Ивановна. – Знакомьтесь, это новенькие. Перевелись к нам из Москвы, – последнее прозвучало как научная фантастика. К нам из Москвы? Это какими же перипетиями судьбы кого-то могло закинуть к нам из Москвы?

Девушка улыбалась доброжелательно, а на лице парня вообще невозможно было прочитывать эмоции – он равнодушно окинул взглядом класс, будто просто ждал, когда приветственные обряды закончатся. Тем временем учительница продолжала:

– Это Мира и Максим Танаевы. Прошу любить и жаловать!

– Мира и Макс, – девушка поправила учителя, произнесла это без злости, но с каким-то расслабленным нажимом, при этом продолжая улыбаться.

Анна Ивановна, вероятно, немного растерялась, потому что повторила:

– Мира и Макс, конечно... Ну, прошу любить и жаловать...

– Можно не жаловать, – на этот раз сказал парень и прошел к свободной парте, которая оказалась как раз перед моей.

Мира слегка пожала плечами и продефилировала вслед за ним. Белов присвистнул. Да что там, даже я, не будучи парнем, не могла не отметить великолепие этой девушки. И совсем не в тонких чертах лица или длинных каштановых волосах, а в самих движениях. Грациозная кошка – высокая, худенькая, но каждым жестом источающая уверенность.

Пока учитель раскладывал пособия, чтобы начать занятие, новенькая повернулась ко мне – секундная оценка взглядом, приведшая меня в смятение, затем вопрос:

– Тебя как зовут?

– Даша, – ответ получился неуместно сдавленным.

Она улыбнулась точно так же, как до этого всем присутствующим.

– Привет, Даша. Мы тут с братом ничего не знаем. Покажешь на перемене? Правила расскажешь. Если тебе несложно.

– Д-да, конечно, – возможно, я немного покраснела, а Белов рядом только хмыкнул. Я уж было подумала, что это первый случай, когда моему тирану нечего сказать, как и он подал голос:

– А я Костя. – Услышав это, девушка снова повернулась к нам. – Могу предложить и свою помощь... в экскурсии.

Мира опять замерла на секунду – было похоже на то, что она проводит какую-то внутреннюю диагностику, – только потом улыбнулась и ответила:

– Привет, Костя. Спасибо. Но я уже договорилась с Дашей, – сказано это было так, будто меня рядом и не было. После Мира скользнула взглядом по уже законченному Костей рисунку в моей тетради. Она наклонила голову и посмотрела на моего соседа по парте с чуть большим интересом: – Ты нарисовал? Это мужской половой орган? Твой? Очень красиво. Ты художник?

Белов растерялся, потому что прозвучало это не как шутка. И именно поэтому было в десять раз смешнее, чем если бы в тоне проскользнул сарказм.

Внутри что-то дрогнуло. Больно-больно, резко, но приятно до слез. Конечно, новички не знают о моем статусе в классе, и сомнений нет, Белов не позволит мне просто так сорваться с поводка. Но интуиция вопила о том, что теперь все изменится! Эти двое точно не из тех, кто пойдет на поводу у общественного мнения. Они другие, это видно с первого взгляда – как они говорят, как уверенно ведут себя, как выглядят. А значит, я найду в себе силы предпринять новую попытку выбраться из своей ямы, перестать быть такой жалкой.

Я перевела взгляд на брата Миры, который нам никакого внимания так и не уделил. Если они учатся в одном классе, то, скорее всего, близнецы. Внешне совсем непохожи. Макс тоже очень симпатичный, но черты лица другие, насколько я успела заметить еще в самом начале. Волосы у него темнее, без той блестящей рыжины, что есть у Миры. Хотя нет. У них было кое-что общее, не так бросающееся в глаза, но очевидное, если хотя бы раз обратишь внимание – кошачья грация. А теперь оба сидят с прямыми спинами, при этом никакого напряжения и никаких лишних движений, будто замороженные. Да, они точно близнецы.

Я знаю, почему так сложно разрушить устоявшиеся правила! Почему любая моя попытка проваливалась – люди привыкают вести себя определенным образом и не прилагают усилий, чтобы изменить ситуацию. Надо мной смеялись. И если бы я закатила истерику, попыталась обратиться к кому-то серьезно, пожаловалась учителям или сделала бы хоть что-то еще – надо мной бы просто продолжали смеяться. Устоявшиеся правила невозможно изменить одному человеку. Но если вдруг... появится кто-то извне, тот, кто не примет сложившихся традиций, ситуация станет иной. Если мне удастся хотя бы в глазах Миры и Макса стать человеком, этого уже будет достаточно, чтобы снова начать в себя верить.

* * *

– ...подавление эмоций в их случае действует гораздо хуже. И тому уже немало примеров: две девушки с Первого Потока нуждаются в усиленном контроле, в Третьем Потоке Десятую пришлось уничтожить. Да, удачный опыт тоже имеется, но у мужчин вообще нет никаких проблем! Я все же настаиваю на раздельном содержании мужских и женских особей. Женщины более эмоциональны, а значит...

– Вас послушать, так легче совсем от наших девчонок избавиться! Но не вы ли давеча говорили, что женщины будут нам нужны в качестве генетического материала? Первый Поток уже через два-три года можно будет использовать для воспроизведения потомства...

– Да-да! Я очень жду этого. Их дети уже родятся улучшенными. Это будет прорыв, поверьте мне! Если оба родителя...

– И еще, девочки успешнее социализируются – это тоже факт! Для многих заданий мы можем использовать только их...

– Вот именно! Успешнее социализируются, а значит, больше шансов на предательство! Хотя... вы правы, если женские особи будут воспитываться отдельно, их возможности к социализации только повысятся, а эмоциональный фон вырастет. Те удачные экземпляры, что у нас имеются, импортируют холодность и уважение к правилам в первую очередь от мужских особей... А мужские перехватывают от первых способность к социализации...

– Вот и по рукам, профессор. А предательства исключены. И пока не будет фактов...

Этот разговор главного ученого с шефом Девятая Третьего Потока подслушала еще в раннем детстве, совершенно не уловив смысл. Но несмотря на это, он прочно засел в голове. Слова «социализация», «мужские и женские особи» ей, конечно, были знакомы, но вместе с этим причина спора так и осталась загадкой. Особенно сбивало с толку новое, такое странное на вкус слово – «предательство». Именно оно и не давало сойтись вместе знакомым значениям.

Конечно, никому об этом разговоре она не сказала. У них не было принято болтать, если дело не касалось практических заданий или учебы. Она вспомнила о том случае, только когда Третий Поток начал курс социализации – ту его часть, где говорилось, что женские особи лучше адаптируются, чем мужские. В Первом Потоке остались четыре девочки и четыре мальчика – через пять лет они будут совершеннолетними и смогут выполнять задания в социуме. Во Втором Потоке, который на три года младше Первого, девочек не осталось – все погибли в процессе подготовки. В Третьем – изначально были две девочки, но Десятая не подходила по параметрам. Физическая подготовка у нее была удовлетворительной, но эмоциональный фон не снижался даже при усиленном воздействии препаратов. Девятая хорошо помнила ее – постоянно рыдающего ребенка. Когда они были совсем маленькими, все хотя бы иногда плакали, но обычно годам к шести их от этого полностью отучали. Десятая же была излишне эмоциональной. А когда во время тренировки погиб один из их братьев, с той произошло что-то совершенно необъяснимое. Она орала, ломала мебель, истерически смеялась и даже нанесла себе травму. Безусловно, ее уничтожили, потому что такое неуравновешенное существо не способно стать солдатом. Смерть сразу двух членов Третьего Потока огорчила остальных семилеток, но не до такой степени, чтобы позволить эмоциям отразиться на лицах.

Скорее всего, именно тот подслушанный разговор и стал первой червоточинной, засевшей в голове Девятой. Это знание ни во что бы не проросло, если бы не резкое изменение обстоятельств. Женские особи более способны на предательство, позже Девятая узнала смысл этого слова. Но она и предположить не могла о себе такого, пока не случился Взрыв.

Курсантам Третьего Потока было по двенадцать лет. Девятую и Седьмого сопровождали на базу после отбытия наказания. Девятая завалила экзамен по профильному языку. Английский изучали все курсанты, а вот второй язык у каждого свой. Девятой достался китайский, и в ходе экзамена, проводимого по телефону с носителем языка, выяснилось, что ее лексикон отвечает требованиям, но акцент сразу выдает. А Седьмой не сдал зачет с собаками. Это было особенно удивительно, если принять во внимание, что Седьмой по сумме баллов оставался лучшим в их Потоке. Шею натасканной овчарке он, конечно, свернул, но та успела его довольно ощутимо укусить за руку – непростительная ошибка. В двенадцать лет такие проколы недопустимы. В итоге в качестве наказания их обоих отправили на три дня в карцер – холодные комнаты в лесу, неподалеку от основной базы Организации. Назад их сопровождал только один охранник – обычный человек из числа тех, что выполняли обязанности сторожей. Если кто-то из детей любого Потока, даже Четвертого, где сейчас были восьмилетки, захотел бы причинить охраннику вред, то у последнего не было бы ни единого шанса. Но никому и в голову не пришло бы выступить против слуг Организации.

Раздался грохот – ночная тьма впереди ослепила ярким всполохом. Седьмой и Девятая рефлекторно прижались к земле, откатываясь назад. Охранник, не успев сообразить или про-

сто от шока, по инерции прошел еще несколько шагов. Спустя один короткий свистящий звук он рухнул на землю с простреленной головой. Девятая и Седьмой, не сговариваясь, бесшумно сменили позицию и только тогда позволили себе оценить обстановку. За это время прогремело еще три взрыва – во всех зданиях базы, а захватчики заканчивали расстрел выбежавших охранников.

– Нападение, – спокойно обозначил Седьмой.

Нужды отвечать не было. Но что делать дальше? Сейчас глубокая ночь, а значит, все дети заперты в своих казармах – каждый Поток в отдельной. Соответственно, выживших среди них быть не могло. Вся охрана перебита – это очевидно. Начальство, вероятнее всего, тоже. Нападавших было всего несколько, но они будто знали, где закладывать взрывчатку и откуда будет выбегать испуганная охрана. На такой вариант развития событий инструкций не было, поэтому впервые с момента начального взрыва Девятая и Седьмой разошлись во мнениях. Мальчик начал осторожно передвигаться в сторону, не поднимаясь выше голых кустов, чтобы напасть на пришлых сзади. Девятая же, не отдавая отчета в своих действиях, схватила камень и, бросившись вперед, со всего маха зарядила им брату в затылок. Тот не пропустил бы удар, если бы ожидал его, это и дало Девятой фору. Она схватила обмякшее тело, взвалила его себе на плечи и, пригибаясь к земле как можно ниже и стараясь не создавать шума, потащила его в лес.

Ее сил, несмотря на отличную физическую подготовку, надолго не хватило, но она умудрилась не привлечь внимания врагов. Отойдя на достаточное расстояние, свалила тело брата на землю и потащила его дальше волоком, схватив за руки. Добравшись до почти непроходимой чащи, связала ему локти за спиной так, чтобы он, придя в себя, не смог моментально освободиться. Девятая еще раз преодолела – туда и обратно – весь проделанный путь. К взорванной базе слишком близко не приближалась, а цепочку собственных следов тщательно замела ветками. И только потом вернулась к Седьмому.

Когда он очнулся, то сразу же сел, пытаясь сообразить, что произошло.

– Ты предала Организацию, – сделал он вывод все тем же неэмоциональным тоном.

– Нет больше Организации, Седьмой. Мы остались вдвоем.

– Да, – хорошо хоть, с этим он спорить не начал. – Но мы могли попытаться убить тех, кто ее взорвал.

Вот она – та самая червоточина, ждавшая своего часа много лет и вмиг расцветшая буйными красками. Это она ответила вместо Девятой:

– Нас бы убили. У них оружие, и они профессионалы. наших братьев и сестер спасать было поздно. Мы с тобой погибли бы просто так.

На руку сыграл и тот факт, что Седьмой и Девятая не имели понятия о том, что такое месть. Любые их действия должны были быть направлены на конкретную цель, не связанную с эмоциями. Поэтому мальчик после недолгих размышлений кивнул.

Через два дня они вернулись на пепелище. Тел не было, очевидно, их куда-то увезли, чтобы никаких доказательств не осталось. Вокруг не обнаруживалось ни одной вертикальной поверхности – возможно, место расположения базы специально выравнивали какой-то тяжелой техникой. Уже к весне, а может, и раньше никто, случайно обнаружив это место, и не подумает, что еще недавно тут стояли корпуса Организации.

Седьмой был потерян. Приученный скрывать свои эмоции, он никак не мог определиться с моделью поведения: ходил туда-сюда, молча сжимал и разжимал кулаки, сосредоточенно напрягал взгляд, нацеленный вдаль, и тут же расслаблялся, бесконечно вскакивал и садился на промерзшую землю. Мысли Девятой тоже были не в порядке, но ее психика нашла выход: она определила цель: сейчас необходимо помочь брату, – а остальные цели они потом поставят вместе.

– Сестра... – Седьмой наконец-то заговорил. – Что мы будем делать дальше?

– Нам надо уходить, – ответила она, приближаясь. – Возможно, они вернутся. Потому что все выжившие рано или поздно придут сюда.

– Выжившие? – он будто воспрянул духом. – А кто, кроме нас, мог выжить?

– Почти весь Первый Поток, ведь они сейчас где-то на заданиях.

Взгляд мальчишки снова потух.

– Это максимум восемь человек. И то, если они все были на заданиях. И если их еще не нашли. Видишь, тут явно работали профи. Во внутренних базах данных есть все отчеты о том, где находятся наши. Возможно, их уничтожили еще до нападения или делают это прямо сейчас.

Девятая и не надеялась на благополучный исход для Первого Потока. Даже если кому-то и удалось спастись, для них двоих это ровным счетом ничего не меняло.

– Седьмой, – она снова обратилась к брату. – Мы должны уходить. Зима обещает быть морозной, еще пара недель – и нашего обмундирования будет недостаточно, чтобы спастись от холода. Мы должны идти... в социум.

Если бы Седьмой умел смеяться, то разразился бы хохотом.

– Куда? Мы только начали курс социализации. Мы не имеем понятия, как они живут... в этом своем социуме. Нас сразу же раскроют.

Девятая подошла еще ближе к сидящему на земле мальчику и резко пнула, метя в лицо, но тот отбил удар отработанным блоком, даже не успев напрячься. Это был хороший знак – он приходит в себя.

– Соберись, Седьмой Третьего Потока! Тебе двенадцать лет, а ведешь себя, как сопливый младенец! Сейчас мы в ситуации, когда никто не может поставить нам цель, а это значит, мы должны поставить ее самостоятельно. Или ты боишься?

Если бы Седьмой умел улыбаться, то сейчас для этого было самое время.

Глава 2. Предсоциализация

Детский дом был самым настоящим раем. Если бы Седьмой и Девятая знали, что такое рай, то именно это слово они бы использовали.

Путь до этого рая был сложным, но не сложнее, чем вся их предыдущая жизнь. Не имея ни малейшего представления о том, в каком направлении двигаться, они решили выбрать юго-запад, предположив, что если исключат хождение по лесу кругами, то рано или поздно выйдут на людей, дорогу или населенный пункт. В глухом лесу зверья было достаточно, поэтому вначале они не голодали. Охотились по очереди, бросая заостренные колья в прыгучих белок и шустрых лис, мясо ели сырым. Волков старались избегать, заметив, что те часто живут стаями. Сначала спали днем: когда было теплее, прямо на холодной земле, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться, – а ночью спешно продвигались по намеченному пути. Но после того как среднесуточная температура упала еще на десяток градусов, стало рискованно. Можно было и не проснуться. Тогда приняли решение не спать вовсе, продолжая поход без остановок. Через неделю после начала путешествия лес заметно поредел, а охотиться попросту стало не на кого. Пара полевых мышей в день – это уже было огромной удачей. Но Девятая и Седьмой не умели отчаиваться или жаловаться – они просто шли, правда, теперь гораздо медленнее. И шли бы так до самой смерти. Но вместо нее наконец-то увидели огни.

К счастью, к тому моменту сил на сомнения уже не осталось. Девятая, которая была физически слабее, уже часто падала на землю, но чаще всего находила силы не принимать помощь Седьмого.

– Эй! Пацан, ты чего творишь? – Седьмой тут же отпустил огромную дворнягу, которая зарычала, припадая на переднюю лапу, но кидаться уже не спешила, и повернулся к подбежавшему мужчине, принимая боевую стойку.

Да, зрелище было потрясающим. Мальчонка лет двенадцати или чуть больше, шатаясь, наклоняется вперед, глаза сосредоточенно прищурены, правая рука крепко сжимает заостренную палку. Мужчина замер на месте, поднимая ладони, будто сдаваясь.

– Пацан, ты чего? – он произнес это уже мягче и тише.

Седьмой расцепил обветренные губы и прохрипел:

– Сестра моя... – он кивнул на свалившуюся на землю девочку. – Ей поесть... надо.

Мужчина перевел взгляд на указанное место и охнул.

– Зи-и-инка! – от этого крика даже Девятая очнулась и попыталась подняться на ноги. – Зинка! Иди-ка сюда! – и снова обратился к детям: – Эй, ребята, вы откуда такие? Тузика есть не надо, мы вам чего-нибудь другого дадим.

Девятая исподлобья пристально рассматривала врага, который почему-то не вел себя как враг. Поэтому и решила ответить:

– Из леса.

А дальше все закрутилось. Прибежали какие-то люди, начали куда-то звать, даже попытались Девятую схватить за руку, но Седьмой вырвал ее, задвинул себе за спину и снова поднял палку, обозначая свои намерения на случай, если еще кто-то попробует их тронуть. Вздволнованные мужчины и женщины пытались уговорить их зайти в дом, но осознав тщетность своих попыток, вынесли еду прямо во двор.

– Поешьте хоть, – это та самая «Зинка» протягивала Седьмому банку с теплым молоком и кусок хлеба. Он сначала принялся, потом передал продукты сестре. Та, немного поев, встала спереди, прикрывая спиной и предоставляя возможность перекусить брату.

А потом прибыли люди в форме. Форма вызвала у Седьмого и Девятой какое-то молчаливое одобрение, поэтому полицейским удалось уговорить их сесть в машину и отправиться

в участок. Там задавалось много-много вопросов, на большинство из которых дети не знали, что отвечать.

– Как вас зовут?

– Куда?

– Ну, имена у вас какие?

Молчание. Девятая подумала, что их спрашивают о номерах, но улыбчивый мужчина уже задавал следующий непонятный вопрос:

– А фамилия?

Молчание.

– День рождения?

– Первого сентября, – хором.

– Какого года? – мужчина в форме оживился.

– А сейчас какой год? Мы родились двенадцать лет назад, – Девятая отвечала, а Седьмой кивал, соглашаясь.

– Вы сколько в лесу-то были?

– Всегда.

– Одни?

Молчание. Если они хотят, чтобы их принял социум, то говорить об Организации запрещено.

– Вам что-нибудь нужно?

– Спать.

– Эй, Михалыч, с соцзащитой и медиками связался? Давай их в твой кабинет пока, пусть выспятся?

А наутро снова вопросы:

– Родители ваши где?

– Родители?

– Ну, с кем вы раньше были?

Молчание.

– Там, откуда вы пришли, кто-нибудь еще остался?

– Нет.

– Знаешь, Коля... Я слышал про людей, которые в тайгу жить уходят целыми семьями. Может, из таких? Родители погибли, а эти двое потом уже сюда пришли...

– Да я скорее в инопланетян поверю, чем в то, что детишки эти зимой в лесу выжили. Думаю, похищенные они. Черт знает что там с ними делали. Сбежали... и нате вам, стресс, оттого имен не помнят и кидаются на всех. Ориентировки уже разослали...

Люди в белых халатах тоже были подозрительно добры. Они вообще не применяли никакой силы и не повышали голоса. Даже махнули рукой на тот факт, что брат с сестрой наотрез отказались разлучаться. Так и спали на одной кушетке. Осмотр тоже приходилось проводить только в присутствии второго. Однако нагота их совершенно не смущала – создавалось ощущение, что пока обследуют одного, другой стоит настороже, готовый в любой момент вцепиться потенциальному обидчику в глотку. Женщина по имени «Гинеколог» сначала опешила от того, что ей придется осматривать девочку в присутствии брата, и все же настояла, чтобы он отвернулся, сказав: «Милый мой, у нас такие правила!» При слове «правила» мальчик безропотно повиновался, а девочка отправилась на экзекуцию, приготовившись к любой боли, – но так ее и не дождалась. Кажется, эти люди всеми силами старались не причинять им дискомфорта. Даже когда брали кровь, несколько раз предупредили, что будет немного больно – будто Седьмого и Девятую можно было этим испугать.

В карантине их на несколько дней оставили в покое – только кормили и постоянно переспрашивали, как дела. За это время они уже привыкли к посторонним настолько, что не напрягались каждый раз, когда кто-то заходил. Когда они остались наедине, Седьмой и предложил:

– Мы теперь полностью пришли в норму, сестра. Можем уходить. Ты видела, система охраны тут...

– А зачем нам уходить, Седьмой?

Мальчик растерялся:

– Так ведь они же враги.

Женские особи более способны на предательство, а значит, и на переосмысление стереотипов.

– Брат, я не думаю, что они враги. Те, первые, даже не пытались нас убить, собаку оттащили, еду дали. Разве враги так поступают?

– Я не знаю, Девятая, не знаю... Я не могу понять, что они задумали. Зачем столько странных взглядов и бесконечных вопросов о самочувствии?

Она уговорила его остаться, чтобы выяснить это. А заодно и значение услышанного недавно чудесного словосочетания «Детский дом» – двух слов, которые притягивали своей теплотой, означающих, что это будет дом и там будут дети. Возможно, это какая-то другая Организация, в которой они смогут найти свое место.

Более тонкий, чем у обычных людей, слух позволил им расслышать заключение медиков при разговоре с прибывшим сотрудником социальной защиты:

– Физически оба здоровы. Я бы сказала, как-то даже слишком здоровы: зрение, слух, мышечная масса значительно выше среднего уровня. Несмотря на существенные признаки истощения в самом начале, восстановились они очень быстро. На теле множество старых ран от колюще-режущих предметов, укусов крупных животных, у обоих были переломы конечностей, хотя и правильно сращенные... При этом признаков сексуального насилия нет. Множественные следы от инъекций – мы не обнаружили в крови известные нам препараты, но предполагаем, что там были наркотики. Отчасти это и объясняет факт, что они ничего не могут вспомнить. И совершенно точно они не родственники. А заключения психолога у нас толком и нет... Она просто пришла в растерянность. Дала характеристики: замкнутость, возможно, аутизм, агрессивность, гипертрофированная привязанность друг к другу. Посоветовала наблюдение у специалиста в Москве и по возможности полностью исключить стрессы. Случай, прямо скажем, экстраординарный, поэтому обвинять ее в непрофессионализме...

Затем двое суток в бесконечно трясущемся вагоне, и вот, наконец-то, он – детский дом, который превзошел самые смелые ожидания Девятой. Который был раем.

* * *

На перемене наши парты окружили тесным кругом, а я попросту не знала, куда себя деть, случайно за долгое время оказавшись в самом центре общения. Даже попыталась сбежать, но Белов, конечно, мне такой возможности не дал, с силой схватив за локоть и усадив на место. Дабы не привлекать к себе еще более пристального внимания, я решила не сопротивляться.

Мира, а потом с явной неохотой и Макс тоже немного развернули стулья. Но на вопросы отвечала только девушка.

– Какими судьбами из Москвы? Родителей ваших, что ли, сюда перевели?

– Нет, – улыбка широкая и дружелюбная. Мира и без этой улыбки была слишком красива. – У нас нет родителей. Умерли. Давно.

– О... простите...

– За что?

– А как же вы в нашу гимназию попали? Тут так-то неплохие бабки платить надо...

– Наследство, – девушка пожалала одним плечом, будто изображала, а не на самом деле чувствовала волнение.

– А чего сейчас перевелись, а не в начале учебного года?

– Так получилось, – она снова улыбнулась и попыталась перевести разговор в другое русло: – Костя, а ты почему Дашу держишь?

Я только сейчас заметила, что пальцы Белова так и остались на моем локте. Он тут же отпустил руку и обнял за плечи, с силой прижимая к себе.

– Девушка она моя. Любит меня сильно. А я бросить не могу из жалости, хоть она тупая и страшная.

Вокруг раздался привычный смех. Но это была та самая точка отсчета, с которой и будет формироваться мнение новичков обо мне. Поэтому я, вопреки своему обычному поведению, с силой оттолкнула обидчика и даже вскочила на ноги.

– Ну вот, еще и истеричка, – прокомментировал Белов с наигранной досадой.

А я обратилась только к Мире:

– Я не девушка ему! И никогда ею не была! Этот урод просто издевается, – и хотя последнее прозвучало уже совсем жалко, но точку зрения я кое-как выдать смогла.

Однако к ужасу своему не увидела в выражении лица Миры не то что сочувствия к моему положению, но даже и проблеска понимания. Поэтому бессильно опустилась обратно на стул. Брат же ее просто лениво рассматривал лица моих одноклассников, заметно задерживаясь на девочках. На Яне его взгляд концентрировался чуть дольше – неужели и он пал жертвой ее длинных ног и сияющих светлых волос? Однако и Яна это уловила, может, только поэтому и произнесла:

– Реально, отстань уже от этой лохушки, Костик. Тоску нагоняешь.

Должна признать, что Яна – первая школьная красавица – давно потеряла интерес к травле. Только в самом начале высказалась, а потом просто со скучающим видом наблюдала за действиями остальных. Нет, она не пылала ко мне любовью, но я была благодарна хотя бы за равнодушие.

Макс еще пристальнее осмотрел ее и наконец-то произнес – впервые с начала всеобщего знакомства:

– Как ты сказала, тебя зовут?

– Яна ее зовут, – вместо девушки ответил Белов. – Ишь, какой шустрый. Не успел царство захватить, а уж принцессу заприметил в полон брать? Глазастый.

Новенький никак не отреагировал, продолжая смотреть блондинке в лицо снизу вверх, поскольку она стояла рядом, сложив руки на груди. В этот момент я уловила короткий взгляд на него со стороны Миры.

– Я-на, – произнес новенький отдельно, будто пробуя это созвучие на вкус.

Но эту девушку смутить было невозможно – она хорошо знала себе цену:

– Закатай губки, красавчик. У меня парень есть!

Яна не соврала – она действительно встречалась с Никитой из параллели и легкомысленностью никогда не отличалась. Позволяла любоваться собой со стороны. На самом деле, я всегда думала, что Яна рано или поздно сойдется с Костей – внешне они очень хорошо бы друг с другом смотрелись. Оба яркие блондины, самоуверенные донельзя. Но она выбрала Никиту – внешне гораздо более простого, но уж точно с лучшим характером, чем у Белова. Это делало ей честь.

– Я только имя твое спросил, а ты уже придумала, как будешь изменять своему парню? – ответил ей Макс и продолжил исследование взглядом. Наконец-то равнодушно мазнул и по мне. Вскользь, не задерживаясь.

Он не был таким потрясающе красивым, как его сестра. Та, словно сошедшая с экрана дива, блистала, моментально, но основательно подвинув Яну с пьедестала. Карие глаза девушки

переливались той же рыжиной, что и волосы, губы были четко очерченными, пухлыми, а школьная форма на ней сидела так, будто пошита всемирно известным дизайнером. У Макса глаза же серо-зеленые – очень светлые, пронзительные, что делало его взгляд каким-то невероятно холодным. Темные волосы немного взлохмачены. Для себя я лишь отметила, что он ни разу за все время не улыбнулся. Вообще, даже краешком губ. Не будь этой хмурости и странной манеры разговаривать, словно отвешивать нехотя фразы, я бы и его назвала очень симпатичным. Но все же человеческая красота – это не форма носа и цвет глаз, это, скорее, взгляд, улыбка, движения и эмоциональные реакции. Мы не влюбляемся в форму скул, но способны потеряться в чувствах от наклона головы или жеста. Этот парень с каменным лицом даже шанса не давал. Из всего увиденного я могла сделать вывод, что Макс любит красивых девушек, возможно, не пропускает ни одной юбки, но при этом очень замкнутый человек, и на фоне дружелюбной сестры это особенно бросается в глаза. И еще – они совершенно точно близнецы, похожие чем-то, что невозможно объяснить словами.

Им задали еще кучу вопросов, на которые Мира отзывалась охотно. Хотя я заметила, что она часто не отвечает прямо – в ее рассказах звучало: «Долго рассказывать», «Квартиру купили тут неподалеку», «Нам уже по восемнадцать. Так получилось, что мы пропустили год». Но громом среди ясного неба было:

– Мы из детского дома.

О, уверена, под элитный покров этой гимназии никогда не забредали дети из детского дома. И здешняя публика, включая меня саму, вряд ли когда-то общалась с такими. Детский дом – это для нас что-то страшное, что-то из другого мира. Там детей, одетых в обноски, избивают и мучают. И те, кому удастся дожить до совершеннолетия, почти неизбежно становятся преступниками. После такого-то воспитания... И вот они сидят перед нами – немного странные, но точно не вызывающие жалости. Ничего в них нет такого, что выдавало бы тяжелое детство или перенесенные испытания.

Все сначала замерли от услышанного, но уже через минуту посыпались новые вопросы, от ответов на которые Миру спас очередной звонок.

– Ну ни фиги ж себе... – пробубнил Костя мне на ухо, от шока, вероятно, забыв, с кем разговаривает. – Детдомовцы и богатые наследники в одном лице. В двух лицах.

Я, конечно, не ответила. Белов пихнул меня в бок локтем:

– Да ладно, ты, морда, не тушуйся. Я тебя никому не отдам. И сама на новенького не засматривайся! Он же детдомовский – на куски тебя порежет и сожрет. А вот я только на куски порежу.

Мира обернулась и бросила пристальный взгляд на Костю, обозначая, что расслышала каждое слово, в том числе и его отношение к детдомовцам. Он не растерялся, развел руки в стороны и пожал плечами:

– Ну а что? Ревную свою шмару. Имею право.

Та просто отвернулась. Мне было очень неприятно, что Мира никак не реагирует на оскорбления в мой или их адрес. Хоть бы поморщилась! Или уж рассмеялась, если она такая же, как все. Но она не реагировала никак.

С чего я взяла, что она обязана встать на мою сторону?

А после уроков я была крайне озадачена тем, что Мира, собрав свои вещи в модную сумку, повернулась и спросила:

– Даша, ты обещала показать школу и рассказать правила.

Может, не все потеряно? Может, получится если и не сдружиться с ней, то хотя бы не вызывать неприязни?

Но Костя глупым не был – он тоже понимал, что ситуация имеет шанс – один на миллион – измениться в мою пользу. И не мог этого допустить. Поэтому зажал мне рот рукой, отвечая сам:

– Прости, красавица! Но сучка моя с тобой идти не хочет.

Я попыталась вырваться, но Белов был значительно сильнее – это мы уже изучили вдоль и поперек.

Мира же – и как ей досталось такое неподходящее имя? – посмотрела на меня и совершенно серьезно ответила:

– Ну, как хочешь, Даша. Попрошу кого-то другого.

И пошла вслед за братом, делая вид, что не заметила, что происходит.

Это меня разозлило до чертиков. Однако если обычно свое раздражение на Белова я привыкла запихивать в глотку и молча проглатывать, то сейчас выдержка дала сбой. Я со всей дури вцепилась зубами в ладонь Кости, отчего он наконец-то оторвал свою грязную руку от моего лица, и заорала. Это всегда так – когда слишком долго что-то терпишь, а потом позволяешь этому выплеснуться, то получается гораздо хуже, чем планировалось. Последующее говорить я уж точно не планировала, тем более так визгливо:

– А что, Мира, может, ты хочешь побыть сучкой этого уroda? Готова уступить!

Мира остановилась и нахмурилась. А из-за ее спины раздался голос Макса:

– Я могу тебя порезать на куски и сожрать, как недавно предложил твой друг. А теперь попробуй назвать мою сестру «сучкой» еще раз.

Мой яростный порыв схлынул под натиском его ледяного тона. А Костя, тоже ощутивший равнодушную сталь слов этого жуткого парня, поспешил вставить:

– Все-все-все! Мир-дружба-жвачка! Дашенька у нас умственно отсталая, не обращайтесь внимания.

Но Мира обратилась только к брату:

– Не злись. Она это несерьезно сказала. Она тут...

– ...жертва, – закончил ее брат, и на этот раз в его тоне я расслышала отголосок брезгливости.

И они ушли, забрав с собой остатки моей надежды, моей гордости. Меня. Просто ушли, хотя любой из них мог остановить это безумие одним словом. Ушли. А за ними и сам Белов, бросив напоследок:

– Я ж тебе говорил – детдомовские. Просто животные! И почему ты меня никогда не слушаешься?

Глава 3. Первый опыт социализации

В детском доме странным было абсолютно все. И там имелся Телевизор. Увидев его в холле, дети сели на пол, забыв обо всем на свете. Этот ящик с постоянно мелькавшими цветными картинками прочно приморозил Девятую и Седьмого к месту. Они не обращали внимания на смех вокруг и окрики, всматриваясь в лица людей на плоской поверхности. Лишь когда заведующая выключила Телевизор, они внезапно вспомнили о своей привычной осторожности и вскочили на ноги.

Им рассказали правила, которых практически и не было – какой-то расслабленный режим дня и несколько сопутствующих указаний. Фамилию они унаследовали от того полицейского, который открыл их дело, – сержант Танаев – так, оказывается, поступали нередко. Имена предложили выбрать самим, поскольку они не были новорожденными, но и собственных имен не помнили.

– Макс. Можно, мое имя будет Макс? – тут же спросил Седьмой, еще возбужденный от истории, которую показывал ему Телевизор. О каком-то мужчине, которого называли «Макс».

Заведующая согласно кивнула и устремила взор на Девятую. Та растерялась:

– А мне можно тоже Макс?

– Нет. Это мужское имя. Выбери себе женское, – заведующая говорила чуть строже, чем до нее соцработники.

Но Девятая других имен не знала.

– Давай я тебе предложу? Я сериал сейчас смотрю, там главную героиню зовут Мира. Нравится?

– Очень! – ответила Девятая.

Гораздо позже она поняла: ей крупно повезло, что заведующая не была фанаткой корейских дорам или «Рабыни Изауры», так что все, можно сказать, обошлось.

– Тогда вы будете Максимом и Мирой. До тех пор, пока не обнаружат ваших родственников или хоть какие-то документы.

Конечно, никаких документов никто обнаружить не смог, поэтому впоследствии они получили новые – с именами Максим и Мира Танаевы. Им оставили одну фамилию, хотя все в детском доме знали, что они не родственники.

Телевизор был самым большим чудом, но и без него странностей оказалось достаточно.

Во-первых, воспитанников практически никак не наказывали. Даже если они кричали и нарушали правила. Никого ни разу не лишили обеда, не отправили в карцер; так, поорут для вида или слабый подзатыльник дадут – вот и все наказание. Это было дико и непродуктивно! Если бы за сломанную игрушку того мальчишку избили до полусмерти, а эту девочку за истерику оставили на пару дней без еды – вот тогда бы и наступил порядок. Но отчего-то порядок тут не был главной целью.

Во-вторых, отношения между самими воспитанниками детдома были очень сложными. Все тонкости Седьмой и Девятая смогли уловить только года через два пребывания там. В Организации курсанты одного Потока не делили себя на группы – всех называли братьями и сестрами. Никого особо не уважали, никого не презирали, никого не выделяли. Выживание – и без того штука непростая, зачем ее еще больше усложнять? А тут они впервые встретились с особым типом людей, название которым узнали гораздо позже – жертвы. Конфликты здесь случались довольно часто, но не все пострадавшие оставались жертвами надолго. И еще сложнее – ими далеко не всегда становились самые физически слабые. Просто как будто детское сообщество выбирало кого-то и навязывало ему эту роль. На первый взгляд. Но бывало и иначе – жертва отказывалась становиться таковой, и тогда сообщество переключалось на другого. К

ним как к новичкам тоже попытались проявить агрессию некоторые сильные члены сообщества, но попытка эта – увы – успехом не увенчалась.

Вечером первого же дня Девятая и Седьмой с интересом рассматривали игрушки, которыми была заполнена комната младшей группы. Это вызвало смех и издевки со стороны старших товарищей, но мальчик и девочка до сих пор не знали, что такое «оскорбить словами», поэтому просто не реагировали на выкрики. Наверное, это было неправильно, потому что дети разозлились. Один, старше года на три, попытался схватить Седьмого за плечо, но тут же получил мгновенный удар в нос, бросок через всю комнату – и вот он уже лежит, хрипя от сдавливающей горло руки. Девятая при этом даже не оторвала взгляда от куклы. Прилетела женщина, которую называли «Воспитатель», кое-как оттащила Седьмого от пострадавшего и, бормоча: «Правила, правила», – смогла увести его за собой. Девятая поплелась следом. И снова заведующая, которая попыталась объяснить, что силой решать конфликты недопустимо. Седьмой мотал головой, не понимая, что происходит. Кто победил – тот и прав! Почему ругают его, а не того слабака? Заведующая, не найдя отклика у новичков, в конце концов прибегла к последнему аргументу:

– Еще одна драка – и я запрещаю вам смотреть телевизор!

Драк больше не было. Другие детдомовцы не хотели связываться с «этими психами» и сперва просто игнорировали их, а потом начали общаться. Хотя брат с сестрой и не нуждались в этом, особенно на первых порах.

В-третьих, еще более удивительными, чем взаимоотношения между детьми, которые постоянно конфликтовали друг с другом, выглядели их контакты с воспитателями. За первый год пребывания Девятой и Седьмого, которые уже привыкли называться Мирой и Максом, в их группе сменилось три воспитателя. Первая – была по рукам тех, кто нарушал правила. Несильно, без синяков или заметных травм, но на детей это действовало. Вторая – ни разу не подняла руку, как ни разу не снизила тона. Она орала, как сумасшедшая, по любому поводу. Третья – говорила мягко и старалась разобраться в каждом конфликте. И именно она вызвала протест и неподчинение со стороны детей. Казалось бы, она лучше двух предыдущих, но именно ее и любили меньше, совсем не уважали и открыто дерзили «старшаки», а тянулась к ней только малышня. Это подтверждало уверенность Миры и Макса в том, что порядок можно обеспечить исключительно грубой силой.

В-четвертых, все дети посещали некую Школу. Но по настоянию психолога Макс и Мире разрешили пропустить учебный год. Оказалось, что они не имеют представления о таких предметах, как история, литература, география и многих других, но при этом говорят на иностранных языках, как на родных. Они пришли в школу через год и тут же удивили учителей своими знаниями по всем предметам. Им не нужно было прививать дисциплину, она существовала как часть их ДНК. Поэтому, когда им выдали учебники и предложили заниматься самим, они без труда вытянули свои знания на нужный уровень. Для воспитателей же такие подопечные оказались находкой – хоть они и сильно отличались от других детей, но не создавали ровным счетом никаких проблем.

В-пятых – и именно до этого додуматься было сложнее всего остального – сытая и размеренная жизнь их меняла. Восемичасовой сон, четырехразовое питание и почти полное отсутствие физической нагрузки сначала были восприняты ими как однозначные плюсы. Но уже через пару месяцев Мира стала замечать, что они теряют форму – уже не те реакции, не те навыки. Она и завела этот разговор первой:

– Брат, ты ведь видишь, у нас есть преимущества в этом социуме, но скоро мы их потеряем. Надо возобновить тренировки, меньше есть...

– Мира, – парень до сих пор так и не научился показывать эмоции открыто. Он просто произносил слова, при этом не меняя выражения лица. – У этой жизни нет других целей, кроме как есть, спать, ходить в туалет и так далее. В Организации у каждого нашего дня была цель –

пройти задания и дожить до ночи. Вся наша жизнь была бы цепочкой выполненных заданий, но это проще, чем сейчас. Цель – это важнее, чем еда или сон. Тут у нас нет цели.

Они уже говорили об этом, но на этот раз Мира знала, что ответить. Она видела, как брат раскисает от такой жизни, как пытается заменить полученными благами пустоту внутри.

– У меня есть! Я хочу окончить школу, поступить в институт – и не какой-нибудь, а самый лучший! Я хочу влюбиться и выйти замуж. Хочу стать частью социума и быть счастливой. А потом я поставлю себе новую цель.

Брат долго обдумывал ее слова и наконец-то сказал:

– Хорошо. Если это твоя цель, то моей целью будет помогать тебе в этом.

На том и сошлись. Мира была довольна достигнутой договоренностью, надеясь, что в будущем они оба смогут найти место в новом обществе. Максиму было очень важно хоть на что-то ориентироваться – пусть ориентируется на нее. Вот они – проблемы социализации, которые у мужских особей стоят острее. Он гораздо хуже, чем она, привыкал и перестраивался. Но если девочка это делала постепенно, то он какими-то рывками, не зная меры. Если Телевизор – то с утра до ночи, если еда – то до отвала, если отдых – то часами не вылезая из постели. Все это было гиперкомпенсацией всего, чего им не хватало в детстве. Но Мира могла контролировать этот процесс, а ее брат – нет. Она научит его снова ограничивать себя. За собой Макс в будущем оставит только одну слабость, о которой узнает значительно позже.

В последующие три года они были неразлучны. До тех пор, пока Макс не ушел.

* * *

Дома я никак не могла успокоиться и все продолжала ругать себя, сама не зная за что. Конечно, оскорблять Миру я не собиралась, хоть и была зла на нее. Но на самом деле моя злость не имела оснований – это просто раздражение на Белова вылилось на новенькую, потому что ему нужно было куда-то вылиться. Обязана ли она была заступаться за меня, сама еще не вошедшая в новый коллектив? Не слишком похоже, что они оба заботятся о мнении окружающих, но и лезть на рожон в первый же день тоже вроде бы не должны. Но слово «жертва» своей мерзостью разъедало череп изнутри. Чтобы уснуть, пришлось даже принять успокоительное, чего я уже больше года не делала. Вот так – одно событие снова выбило меня из колеи уже привычного смирения.

На следующий день я встретила близнецов перед входом в школу. Они будто ждали в машине, а увидев меня, тут же вышли навстречу.

– Привет, Даша! – дружелюбно крикнула Мира, в то время как ее брат просто кивнул.

Я остановилась, не представляя, как следует на это реагировать.

– Привет, – наверное, прозвучало немного сухо, но на восторг моей измученной психики просто не хватило.

А девушка подбежала ко мне и подхватила под руку, увлекая во двор школы.

– Нам вчера все показали, так что тут волноваться не о чем! – нет, она серьезно думала, что я об этом волновалась? – Но мы и город знаем совсем плохо. Как ты смотришь на то, чтобы нам с тобой в пятницу после уроков прошвырнуться по магазинам? Покажешь, где тут и что, куда сходить можно, где отдыхают...

– Ты это серьезно? – я снова остановилась, пытаясь мысленно прийти хоть к какой-то конкретике.

– Да, – она будто удивлялась моей холодности. – Даша, ты будешь моей подругой?

Подругой? Может, у всех детей, выросших без родителей, такие сдвинутые представления об отношениях? Я не выдержала и рассмеялась, хотя немного нервно.

– Мира, ты в своем уме? Вчера ты просто смотрела, как Белов надо мной издевается, а сегодня хочешь стать моей подругой?

– А что я должна была сделать? – она заговорила серьезней и руку мою наконец-то отпустила.

– Не знаю! – смеяться расхотелось. – Хотя бы показать, что тебе это не нравится. Думаешь, друзьями становятся сразу после фразы «Давай дружить?» Нет. Друзья – это те, кто поддерживает друг друга.

Мира в недоумении развела руками и посмотрела на брата, ища подсказки. Тогда он шагнул ближе и спокойно произнес:

– Даша, Мира на самом деле хочет с тобой дружить. Научи ее этому, если пожелаешь. Но не жди, что она или я будем вмешиваться в твои отношения с другими.

Я была вынуждена согласиться с последним:

– Понимаю. Вам эти проблемы ни к чему, вы и сами новенькие. Я была неправа, ожидая этого...

– Чушь, – перебил Макс. – Нам наплевать на эти проблемы. Но это твой экзамен по социализации, а не наш.

– Какой еще экзамен?

Мира снова подхватила мою руку и теперь уже продолжила вместо брата:

– Это просто термин такой. Макс хотел сказать, что ты должна выбраться сама. Если тебе кто-то в этом поможет, то ты так и останешься жертвой, а значит, потом, в других ситуациях...

– Мира! – я возмутилась. – Ты просто не представляешь, что тут происходит! Они все против меня! Я не жертва! Но что я могла сделать одна против всех?!

– Если не жертва, – примирительно ответила Мира, – то и не веди себя как жертва. Мы видели таких... много. Кого-то бьют, кого-то обижают, но далеко не все из них принимают это как должное. Вопи, бей, рви, воткни ручку кому-нибудь в глаз, только не соглашайся.

– Ручку в глаз? – очевидно, в детдоме именно так разрешают мелкие неурядицы. – Меня же посадят...

– Ну... тогда не в глаз, – задумалась эта милая с виду девушка. – Я к примеру сказала. Самое главное – не будь безобидной. Не иди сразу против всех – выбери сильнейшего, с остальными будет проще.

Этот разговор не имел никакого практического значения. Но он прочно засел у меня в голове, только еще сильнее мучая. Легко сказать – бей и вопи. Ударить Белова – значит самой получить в ответ. Вопить – значит еще сильнее рассмешить одноклассников. Обратиться за помощью к учителям – укрепить славу стукачки. Нет, у меня просто нет выхода.

Но тогда я спросила только одно:

– А почему ты решила подружиться именно со мной?

– Ты странная. И я, наверное, тоже странная, – ответила Мира просто. – И ты одна. У остальных уже есть друзья, поэтому ты самый легкий вариант.

Да, цинизма ей не занимать.

Три дня я настраивалась... не быть безобидной. У меня не очень-то выходило. «Пошла на свое место, говно!» – услышанное от Смирнова вызвало только «Сам говно», после чего я все же ушла на заднюю парту. Зайдя в сопровождении Миры и Макса в столовую, столкнулась с тем, что мне просто нет места – куда бы я ни пыталась пристроиться со своим подносом, мой стул тут же кто-то забирал под всеобщий хохот. Работники столовой активно не видели происходящего. Ну конечно. Если кто-то случайно заметит, что в элитной гимназии все не так элитно, то с этим придется что-то делать! Легче не замечать. Я не выдержала и просто ушла, а близнецы Танаевы, как и обещали, не вмешивались. Их, кстати, приняли легко, даже несмотря на мутноватое прошлое. С легкой подачи Белова почти все их называли «Мирамакс», хотя общаться получалось в большей степени только с сестрой. Макс адаптировался по-своему.

Уже на второй день он подошел к парте, где сидела Яна, и обратился к ее соседу:

– Можно, я тут буду сидеть?

Тот безропотно ретировался и пересел к Мире. Яна же просто приподняла бровь, но Макс с ней даже не заговорил.

На уроках английского оба блистали. У нас не было слабых по этому предмету – таких в гимназию не принимали, но они сильно выделялись на общем фоне безупречным произношением и богатым лексиконом.

– As smart as pretty, – тихо прокомментировал очередной ответ Миры Белов, а она, снова все расслышав, повернулась к нему и улыбнулась.

Вот такая у меня милая «подруга». Она бы еще расцеловала моего обидчика, дабы свою преданность мне продемонстрировать. В общем, вся наша с ней дружба сводилась к утренним приветствиям, «какдела» и прощаниям после уроков. А потом новенькие садились в свою черную машину – надо заметить, далеко не дешевой модели – и укатывали восвояси.

Конечно, я не считала Миру подругой. Она очень сильно преувеличила мои страдания от одиночества, полагая, что я готова кинуться на шею любому, кто мне улыбнется. Скорее, наоборот.

И все же я настраивалась. Не ради того, чтобы завоевать уважение новеньких, а для себя самой. И решила, что пусть лучше меня считают неадекватной и больной, чем жертвой. Но подходящий момент, как это ни странно, оказался совсем неподходящим.

Началось все с того, что на последнем уроке Белов, как это делал часто, выхватил мое домашнее задание и начал старательно выводить: «Имела я вашу литературу в задний проход прямым круговым конусом во имя геометр...» Я решила, что наступил мой черед. Схватила его тетрадь и начала выдирать из нее листы. Костя опешил, но ярость моя привлекла внимание учителя:

– Костя, Дарья, что там у вас происходит? Выгоню обоих, если не угомонитесь.

Это не дало возможности Белову воздать мне по заслугам, а я возликовала.

Но счастье мое длилось ровно до звонка. Ученики уже покидали класс, а Костя схватил меня за волосы, не оттягивая до боли, но и не давая возможности подняться и убежать. Он молча ждал, когда мы в классе останемся одни – вероятно, это означало что-то ужасное, потому что обычно он был очень даже не против свидетелей.

А Мира как ни в чем не бывало поинтересовалась:

– Ну что, Даша, поедем по магазинам?

– О-о-о, нет, красавица. Даша сегодня никуда не поедет, – голос Кости сочился ядом. – У нас с ней серьезный разговор. Пока.

– Пока, – ответила Мира и вышла из класса.

– Отпусти, ублюдох, – я изо всех сил пыталась оторвать его руку от своего затылка.

Он стянул с меня очки и прижал лицом к парте, теперь уже больно сжимая волосы в кулак.

– Ты охренела, мразь? Голос прорезался?

Я попыталась дотянуться рукой до его мерзкой рожи, чтобы расцарапать ее в кровь. Но Белов легко отбил мою руку.

– Извинись-ка. А то я вырву твои лохмы с корнем.

Я испугалась. Да нет, испугалась я гораздо раньше, просто ощутила это сейчас в полную силу. На что он способен? Каковы границы? Сможет ли он сделать что-то по-настоящему неправомерное? Страшно до трясущихся рук и голоса:

– Извини.

– Громче!

– Извини, – на глаза навернулись слезы обиды. И сейчас даже не на него – на себя.

Костя отпустил меня и поднялся со стула.

– Место свое помни, шавка.

Я вскочила следом, собирая остатки мужества. Сейчас или никогда! Размахнулась и вцепилась ему пощечину. Тут же отпрянула, испугавшись собственной смелости, пожалев о содеянном, желая убежать, спрятать остатки самоуважения, терпеть до конца школы все, что со мной будут делать.

Он схватил меня за запястья, трясаясь от злости. Зашипел прямо в лицо:

– Ты совсем тронулась? Я ж тебя убью.

Но вместо этого с силой оттолкнул меня, быстро покидал свои вещи в сумку и направился к выходу, напоследок заметив:

– Хорошенько подумай, Николаева, хорошенько. Не доводи до греха. И не думай, что если ты покажешь зубы, то тебя начнут воспринимать как человека. Тебе просто выбьют эти самые зубы.

Рухнув на свой стул, я зарыдала. Пыталась успокоиться, повторяя себе, что уже давно к этому всему привыкла, что если меня тут кто-то застанет, то посмеются вдоволь, что так я никакие проблемы не решу... Но убедить себя очень долго не получалось.

В итоге только через час я, опухшая и красная, вышла из класса. Коридоры уже опустели, поэтому можно было спокойно умыться, привести себя в порядок и отправиться домой. Там я обо всем и подумаю.

В женском туалете мыла пол уборщица. Буркнув приветствие и стараясь не обратить ее внимание на мой внешний вид, я поплелась в мужской. Стыд, злость, смелость, трусость – все ушло. Осталась только усталость и кратковременные рывки раздражения.

Толкнула дверь с такой силой, что слабая или не до конца задвинутая щеколда вылетела, и глазам моим открылось зрелище, которое за весь сегодняшний день оказалось самым вопиющим: опершись на стену, даже не в кабинке, стоял Макс с закрытыми глазами. А перед ним на коленях девушка, голову которой он направлял рукой. Я застыла без единой мысли, способной сподвигнуть хоть к какому-то действию. Даже когда Яна вскочила, вскрикнула, увидев меня, и пролетела мимо, я так и осталась в позе истукана.

– Вот же блин, – голос Макса раздался откуда-то издалека, словно сквозь плотное одеяло. – Даша, ну как не вовремя. Могу я тебе предложить продолжить то, что ты так некстати сорвала?

Я потрясла головой – не как отрицательный ответ, а чтобы извилины встали на место. Хотя пусть заодно будет и отрицательный ответ, как это и понял парень. Он медленно застегнул ширинку, потом подошел к раковине и открыл воду.

– А ты чего тут? Или это я не туда зашел? – спросил парень буднично.

И опять усталость – до такой степени сильная, что мне и дела не стало до Ян, их парней, Мир и их братьев. Я подошла к другому умывальнику и начала ополаскивать лицо ледяной водой.

– Ты ревела, что ли? – встретила с Максом взглядом через зеркало, но не ответила. – Мира, кстати, в машине ждет. Вы же по магазинам собирались сегодня?

По магазинам. Почему бы и нет? Все же в порядке. Я ударила Белова, он чуть не убил меня за это, перепугалась до такой степени, что вообще теперь не решусь прийти в школу, застучала нашу безупречную Яну с Максом прямо в мужском туалете на грязном полу, а его сестра при этом терпеливо дожидается в машине. Нормальная, здоровая обстановка. Можно и по магазинам.

Глава 4. Погружение

В привычную колею они вернулись очень быстро. Возобновили тренировки – пусть и не такие усиленные, как в Организации, плюс часовая пробежка до завтрака; и уже скоро выяснилось, что они в отличной форме. Мире это нравилось, Макс по-прежнему было все равно, но так он хоть был чем-то занят. Оба подозревали, что в Организации им кололи препараты, увеличивающие физическую силу и выносливость, а иначе объяснить разрыв между их развитием и развитием обычных детдомовских одногодков было невозможно. Хотя, кто знает, что бы было, если бы и тех тренировали с младенчества?

Их спарринги превратились в настоящее шоу для всех жильцов детского дома. Они не дрались всерьез, не причиняли друг другу заметного вреда, но зрелище все равно получалось красочным – сложные приемы, броски и повороты в воздухе. Дети придумывали легенды о них – одна другой хлеще. Но никакая не была страшнее действительности. Стоит ли говорить, что это сделало Миру и Макса главными любимцами, суперменами, образцами для подражания всей восхищенной малышне, а старшие предпочитали держаться на почтительном расстоянии? В конце концов, Мира начала получать удовольствие от положительной реакции других людей. Ей понравилось вызывать восторг: она все тщательнее изучала человеческие модели поведения, она социализировалась. Макса же подобное не волновало, и это, в свою очередь, все сильнее тревожило его сестру. Она понимала, что его замкнутость – не простая защитная реакция на все непонятное. Теперь он уже не спал по двенадцать часов кряду и не просил третью добавку за обедом, вернувшись к привычным спартанским условиям выживания, но внутри оставался пустым, как пластмассовый пупс.

В четырнадцать лет Миру стала заботить и собственная внешность, поэтому она часто спрашивала у брата:

– Как ты думаешь, я красивая?

– Ты самая красивая, сестра, – отвечал он ей неизменно.

Через пару лет или чуть больше он ночами начал убегать из детского дома, дождавшись, когда все уснут, и профессионально уходя от внимания работников. Мира не переживала – сложно было представить, что тот даст себя в обиду. Наоборот, она надеялась, что где-то там, вне этих стен, он найдет для себя нечто, что придаст вкус его жизни.

Девочка не знала, что брат ищет не этого. Он думал только о том, чем может помочь ей. Мира хочет учиться в лучшем институте, Мира смотрит на красивые вещи в журнале, Мира достойна хорошей жизни – значит, ему придется ей эту жизнь обеспечить. Но с чего-то надо начать. Мелкие кражи у редких ночных прохожих – неоправданно рискованно. От этой идеи он отказался сразу. Лучшим вариантом выглядела какая-нибудь работа. Но Макс был еще совсем ребенком, умеющим только отлично драться и не имевшим никакого представления о том, как устроен мир.

Ночной клуб привлек его внимание огнями, шумными посетителями и вечно-пьяным весельем. Внутри его, конечно, не пустили – охранники просто посмеялись, но он продолжал наблюдать, оставаясь незамеченным у затемненной стены, каждый день приходя сюда. Да, он почти ничего не умел, но кое в чем ему равных не было – а значит, это был единственный путь.

Все-таки он дождался своего часа. Вот тот лысый мужик был тут главным – это Макс узнал уже несколько дней назад, когда того встречала охрана – два амбала ростом не меньше двух метров.

– Здравствуйте, шеф, – гаркнул один из громил, шагая в сторону, чтобы уступить проход старику.

Макс решил, что это лучшее время, чтобы привлечь к себе внимание. Он скользнул вперед, опережая мужчину, и ожидаемо столкнулся с рукой одного из охранников.

– Эй, пацанчик! Опять ты? Ну-ка, шуруй отсюда!

Макс схватил за запястье и дернул на себя, усиливая инерцию огромного тела. Громила не удержался и упал боком на перила, захрипел от боли. В это время Макс ударил под колени второго, а после врезал ногой в лицо, опрокидывая тушу навзничь. Уже через секунду первый охранник с ревом поднимался на ноги, но спокойный голос остановил его порыв благородной ярости:

– Погоди-ка, Боря.

Макс только теперь позволил себе осмотреться и понять, что должный эффект ему произвести удалось – несколько зрителей стояли полукругом, разинув рты. Но ему была нужна реакция только одного человека, и он ее дождался:

– Что ты делаешь, мальчик? – лысый наклонился к нему, вглядываясь в лицо.

– Я хочу у вас работать. Я сильнее их! – ответил Макс серьезно.

Ему не понравился раздавшийся вокруг смех. Теперь и второй охранник стоял на ногах, прижимая руку к лицу. Кажется, он единственный не хохотал.

– Вот как? Деловые разговоры тут не ведутся. Пойдем-ка в машину. Внутри я тебя запустить не могу – юн еще. Ну, чего встал? На труса ты не похож.

А Макс и не боялся. Он не знал, что это такое. Сел следом за стариком в автомобиль и захлопнул за собой дверь.

– Как тебя зовут? – поинтересовался мужчина, его лицо при этом оставалось серьезным и задумчивым.

– Макс.

– А меня Сан Саныч. Приятно познакомиться, – он пожал мальчику руку. – Сколько тебе лет?

– Пятнадцать! Будет. Через два месяца.

– А родители твои знают, где ты?

– Я детдомовский.

На лице мужчины отразилось удивление.

– Хм... Так вот, оказывается, где надо было телохранителей набирать. Там у вас любой, что ли, может двух профессиональных охранников друг на друга сложить?

– Не любой, – Макс понравилась манера этого лысого вести беседу – с уважением, на равных, без унижительного сюсюканья.

– Понятно. Но, видишь ли, Макс, я не могу принять тебя на работу, хоть тебе и удалось меня впечатлить.

– Почему? – произнес Макс, чуть повысив голос. Для него даже такая реакция означала, что он крайне расстроен. – Я ведь сильнее.

Сан Саныч терпеливо объяснил:

– А они тут стоят не потому, что сильнее, а потому что страшнее. Понимаешь? Их вид должен устрашать – и тогда драк не будет.

Макс подумал над этим, но потом был вынужден согласно кивнуть. Тем временем хозяин ночного клуба продолжил:

– А разве ты сможешь вызвать такой же страх? Твою силу узнают только после того, как ее испытают – это мне не подходит.

Черт, а ведь он был прав. Макс только недавно начал обгонять в росте сестру и, как бы ни был силен, внешне так и оставался худеньким подростком.

– Приходи ко мне, когда тебе исполнится восемнадцать. Думаю, я смогу найти для тебя работу. Но до тех пор, сделай одолжение, побереги себя. Например, никогда не садись в машину к незнакомым людям.

Раздосадованный Макс хлопнул дверью и исчез в темноте, даже не попрощавшись. Сан Саныч продолжал смотреть в окно, размышляя. Нет, этот ребенок его не просто удивил – пора-

зил. И не только своей невероятной силой и навыками бойца из какого-нибудь постановочного азиатского фильма, а скорее, мертвыми глазами на детском лице.

* * *

Мира развалилась на переднем сиденье, живописно уперев ноги в лобовое стекло. Такой отличный кадр сделал бы честь любому порнофильму. Она играла в какой-то тетрис-шарики-змейку на телефоне. Я уселась сзади, а Макс занял место за рулем – и только после этого Мира соизволила обратить на нас внимание.

– Ну как, брат? Все нормально?

Это она его спрашивает о туалетном минете? Очень интересные у них взаимоотношения.

– Терпимо, – ответил ей Макс. – Куда вас везти?

– О, Даша, а где твои очки? – Мира просунулась между сиденьями и пристально меня рассматривала. Но, не дождавшись ответа, добавила: – Какое у тебя зрение?

– Минус один, – ответила я, радуясь, что никто вроде бы не собирается настаивать на разборе моей последней драмы. Объяснять им ничего не хотелось – все равно ведь не поддержат. – А что?

– То есть не слишком плохое. Ты ходишь в очках постоянно?

Что за интерес к моей очаровательной миопии слабой степени?

– Нет. Ну, дома могу надеть – телевизор посмотреть или за компом, а так – нет необходимости.

Мира прищурилась:

– А в школе я тебя до сих пор ни разу не видела без очков! Вообще ни разу. О чем это говорит?

– О чем это говорит? – мякнула я ей в тон с неприкрытым ядом.

Макс, видимо, тоже не понимавший смысла допроса сестры, повернулся ко мне. И произнес:

– О.

– Господа Танаевы, вы охренеть какие странные, – ответила я обоим.

– Это да, – согласилась Мира, – но сейчас о другом. Глазки-то у тебя какие красивые, ресницы длинные. А не красишься почему?

– Чтобы тушь со слезами по всему лицу не растекалась после очередной стычки с любимыми одноклассниками! – разозлилась я.

– Не-е-ет, – протянула Мира. – Это твоя защитная реакция, чтоб внимание поменьше привлекать.

Вместо ответа я попыталась испепелить ее взглядом.

– О, – повторил Макс задумчиво. – Хороший цвет глаз. Как-то не замечал раньше.

Мира вдруг захлебнулась воздухом и со всей силы хлопнула его по плечу:

– Брат! Даже не смей! Даша моя подруга.

Макс равнодушно кивнул и снова отвернулся к лобовому стеклу. Наверное, в этом разговоре был какой-то глубокий смысл, уловить который мне никак не давала накопленная усталость. Хотелось скорее домой – от всего, ото всех. Но приличия ради я уточнила:

– А эта фигня что должна означать?

Мира обреченно вздохнула и сооблаговостила пояснить:

– У Макса психическое отклонение – он помешан на сексе.

Не слышала о таком отклонении. Но тем интереснее.

– В общем, все дышащее, слышащее и издающее звуки находится в опасности. Ну чего ты улыбаешься? Я, вообще-то, серьезно! Психолог говорил, это потому, что у нас матери не было, ну там чего-то как-то... стремление к человеческому теплу, к ласке, которой в детстве

не было, у него вот в такую гипертрофированную форму вылилось. Нам и из Москвы, может, уехать пришлось, потому что добрая ее треть уже знакома с моим братом ниже пояса, – Мира рассмеялась собственной шутке, но Макс ее веселья не поддержал. – Но заодно, вопреки предположениям психолога, в эмоциональную привязчивость это не выросло. Как раз наоборот – чрезмерной эмоциональностью мой брат не отличается. Макс, хоть с одной девицей у тебя было два раза?

Макс почесал указательным пальцем висок и отвернулся к боковому стеклу, демонстрируя, что разговор его не касается. Очевидно, сестра не раз уже доставала этим. Я распахнула глаза:

– Серьезно, что ли? Но ты же никого не насилуешь, Макс? – я посчитала, что имею моральное право уточнить эту мелочь.

– Пока необходимости не было, – буркнул он.

– Ну... ладно. Теперь понятно, что там с Яной... – пробормотала я, чтобы хоть что-то сказать на такое откровенное признание.

– С Яной? – видимо, Мира не знала, кого конкретно имеет ее брат в каждый дискретный отрезок времени. – Ясно. Но Дашу не трогать! Понял?

Это меня уже возмутило:

– Что это значит? А Даша тут что, грелка безмолвная? Даша не может сама отказать? – неужели они меня считают жертвой до такой степени?! – И уж прости, Макс, но ты не производишь впечатления красноречивого Дон Жуана, который способен уболтать любую!

Он не ответил, поэтому я решила добавить. Откровенность за откровенность:

– И вообще, я девственница! Понятно? Это значит, что я не стала бы отсасывать в туалете малознакомому парню, а в постель лягу только с любимым и уж точно... не с тем, кого треть Москвы... ниже пояса!

– Я тоже! – удивила Мира. – В смысле, тоже девственница и тоже считаю, что секс допустим только с очень близким человеком!

– Пф, – не выдержал Макс. – Нашли, чем гордиться. Обе. Ты, – он обратился к Мире, – девственница только потому, что моя сестра. А ты, – это уже мне, – потому что подруга моей сестры. Точка. Радуйтесь пока, если это вообще повод для радости. Куда вас везти, клуши невинные?

Мира тут же переключилась:

– По магазинам!

Но я слишком устала. Меня не хватило бы даже на то, чтобы составить Мире компанию.

– Я домой хочу, прости.

– Ну ладно, – она на секунду надула идеальные губы. – Какой адрес?

Уж не знаю, насколько серьезно она говорила о психологических проблемах. По-моему, Макс просто типичный бабник, правда, слишком немногословный. Хотя, может, этим и привлекает на фоне прочих болтунов. В восемнадцать бегать за девчонками – да это можно про каждого первого сказать, а она тут развела целую психическую травму. В конце концов, меня это никак не касается. Но все же прозвучало что-то, что заставило сердце дрогнуть, поэтому я спросила:

– Мира, а когда умерли ваши родители?

– Сразу.

Холодно и просто. И тут же уточнила, хотя я и без того поняла:

– Сразу после нашего рождения.

Вот так. Всю жизнь никому не нужные, из родных только они двое. Против всего мира вдвоем. А я еще жаловалась на свои мелкие проблемы.

Забегала в квартиру и скинула туфли.

– Дашуль, ты? Мой руки и иди сюда, я пока суп разогрею, – раздался голос из кухни, а я сразу же подлетела к маме и обняла. – Даш, ты чего?

Я сжала ее еще сильнее:

– Так соскучилась, мам.

Она разомкнула объятия, чтобы пристально посмотреть мне в лицо:

– Все в порядке?

– Да. Просто люблю тебя.

А потом я рассказала ей о Мире и Максе – двух своих новых друзьях. Ни с того, ни с сего именно сегодня ставших друзьями. Мама только качала головой, тоже не представляя, каково это, быть на их месте. А вечером уселась смотреть с папой его любимый футбол. По каким глупым критериям я смела называть свою жизнь плохой? А Белову я завтра еще разок врежу!

Правда, уверенность моя таяла рывками по мере приближения к зданию школы. Белов вчера меня не ударил – он вообще меня никогда не бил. Хватал, применял силу – да, но чтобы кулаком... такого не случалось. Но вчера я ведь перешла все границы, в его понимании моих границ. И он не ударил. Может ли быть такое, что эта сволочь хоть чего-то опасается? Жестокость была ключевой чертой его натуры, он ни разу не упустил шанса унижить так, чтобы было как можно больнее. Вчера он опять это сделал, но не ударил. Почему? Может, боится? Ведь все его поступки оставались до сих пор тайной для моих родителей и учителей отчасти потому, что им никто об этом не говорил прямо. А вот синяк в половину очкастого лица станет слишком красноречивым доказательством – завтра же в школу прилетит мой отец, поставит на уши всех от директора до уборщицы, следовательно, беспечная жизнь Белова, так или иначе, перестанет быть такой же беспечной. Это больше похоже на правду. Так-так, значит, на этом страхе играть и нужно. Я отказываюсь сдаваться! Наоборот, собираюсь провоцировать его либо уж выйти из себя окончательно, либо раз и навсегда успокоиться. Страшновато, но что он может сделать такого, чего со мной до сих пор не делали? Не убьет же, в самом деле. А когда я справлюсь с Беловым, все остальные покажутся букашками – тут Мира была права.

Из пучины бурлящих мыслей меня выдернули за руку и потащили куда-то в сторону. Яна. Насупилась и смотрит так, будто я ей миллиард долларов задолжала. Но раз уж я настроилась на войну с Беловым, то противостоять пусть и высокомерной, но более здравомыслящей Яне уж точно в силах:

– Чего тебе?

Она привычно перекрестила руки на груди, но тут же опустила их.

– Даша. – Ого! Она знает мое имя? – Извини, что я тебя оскорбляла. Но я никогда не трогала твою форму, обувь и...

– Знаю. И что? – а вот я сложила руки на груди, как это обычно делала она.

– Даша, – она выдавливала это слово с явным волевым усилием. – Пожалуйста. Не говори. Никому.

Ясно. Это она о своем вчерашнем небольшом грехопадении. Да мне, если честно, все равно.

– Кому рассказывать-то? Мира уже знает, Макс... думаю, тоже догадывается. С остальными я, как ты могла заметить, не общаюсь. На доске написать маркером? Хорошая идея!

Я никогда не отличалась злорадством, но сейчас во мне всколыхнулось что-то темное.

– Пожалуйста.

Ну ладно, помучили – и хватит. Я решила смириться:

– Не расскажу. Отстань.

Я попыталась уйти, но Яна, видимо, не убедившись в моей искренности, снова схватила за руку, заставляя остановиться.

– Даша, я очень прошу! – боясь, что я уйду или что не окажусь, после двух-то лет бесконечной нервозности, достаточно великодушной, она зататорила: – Никита... Если он узнает,

я потеряю его. Я люблю его, правда. Мне наплевать, что скажут другие, но если кто-то узнает, то и Никите...

– Раз так любишь, то зачем сделала это? – не то чтобы меня это особо заботило, но ее поступок явно шел вразрез с сегодняшним волнением.

– Не знаю! Глупость, ошибка, понимаешь?

Мне неожиданно стало интересно, но не из-за Яны, а из-за вчерашнего разговора с Таневыми:

– Как тебя Макс вообще на такое уговорил? Я даже не видела, чтобы вы особо общались. Она болезненно сморщилась. Но, опустив голову, быстро забормотала:

– Ты не поймешь. Да я и сама толком не понимаю. Есть в нем что-то... Как объяснить? Будто голодное животное, страсть неприкрытая – берет, что хочет, не заморачиваясь. Он меня вчера прижал к стене, целовать начал... А во мне словно впервые женщина проснулась. Я и сама не поняла, как стала готова на все. Ни одной мысли в голове. Это не любовь – это вообще черт знает что! Даже если он бы мне встречаться предложил – я бы не согласилась, потому что Никита лучше. Всех лучше. А Макс...

Она затихла посреди фразы, ощущая новый прилив стыда от своей откровенности. И мне вдруг стало невыносимо жаль ее. Ведь Яна даже не знает, что она такая у Макса... стотысячная?

– Не волнуйся. Я никому не расскажу. Правда.

Она кивнула, похоже, растеряв остатки запала, и наконец дала мне уйти.

Интересно, что это за любовь такая, если мимолетная страсть к другому может снести крышу? Яна не легкомысленная тупая девица, во всяком случае, я всегда так думала, но если и она оказалась в такой ситуации, то чего же требовать с других? А может быть, она просто шлюха и теперь изворачивается? Да и черт с ней. Все равно я никому рассказывать не собиралась.

Белов снова сел за мою парту с более тихим, чем обычно, возгласом:

– Хай, дурында! Сегодня кидаться с кулаками не будешь?

Я ответила с максимальной злостью, на которую была способна:

– А ты попробуй взять мою тетрадь, говнюк.

– Ой, чуешь вонь? Это я в штаны от страха наложил. Не тупи, Дашуля, пощади свое здоровье, – ответил он, но, к удивлению, даже не предпринял попытку захватить мои конспекты.

Значит, он вчера тоже испугался того, что мог сделать. Не так, как я, но все же. Это, конечно, еще не победа – издевательства будут продолжаться. Чтобы все прекратить, надо вынудить его дойти до самой границы. Чтобы его остановил собственный страх.

В класс вошли Мира и Макс. Первая, как всегда, цветущая и приветливая со всеми. Второй только соизволил кивнуть в никуда. Даже не взглянув на Яну, с которой сидел всю последнюю неделю, он направился к своему первоначальному месту рядом с Мирой. Возможно, Яна просто не смогла справиться с эмоциями, проведив его взглядом и позволив мне это заметить. Но именно на моем лице ее глаза остекленели. Что она в нем разглядела? И я слишком поздно заметила за собой жалость. Жалость – это неправильно, неуместно, оскорбительно! Я стала свидетелем не только ее вчерашней «ошибки», но еще и сегодняшнего позора – когда парень, ради которого она так унизилась, в прямом смысле этого слова, даже не соизволил поздороваться. Не удивлюсь, если после этого она возненавидит именно меня. Человеку в такой ситуации просто необходимо кого-то ненавидеть.

Со мной же близнецы поздоровались, как и с Костей, – вот последнее было неприятно. Мне не могло нравиться, что мои друзья с такой легкостью его принимают. Едва усевшись, Макс тихо спросил о чем-то Миру, та сначала покачала головой, но потом ответила. Он тут же ткнул пальцем в спину девочки, сидящей впереди.

– Настя, – тем же равнодушным тоном, что и всегда, обратился к ней Макс, – одолжишь ручку?

Рыженькая симпатичная Настя порозовела от неожиданного внимания и, естественно, тут же отдала всю свою канцелярию. Значит, вот так это происходит? Он просто переключается с одной на другую, не оглядываясь? Да по сравнению с ним даже Белов не выглядит таким моральным уродом... Эта Настя – просто очередная жертва, не такая сложная, как Яна, значит, тут у него проблем вообще не возникнет? Да не может быть! Как-то слишком просто: он обозначает свое внимание, а потом ничего не делает. Ждет, когда они сами созреют? Настоящая змея! Или он выбирает только тех, кто изначально к этому готов, какой-то пятой точкой улавливая уязвимость? Не ее ли имя он предварительно спросил у Миры? Точно... Еще пять минут назад даже имени не помнил, а уже запустил в свою мясорубку. А Настя простоватая, вечная хохотушка. Она громче всех смеялась, когда надо мной издевались. Стоп.

И когда это я успела перейти на их сторону? Все верно, Макс, продолжай. Ставь их на колени – не в переносном, а в прямом смысле – прямо на грязный пол в мужском туалете. Разве не там место этих гадюк? С чего вдруг мне приспичило их жалеть? Много ли я сама жалости от них видела?

Откуда во мне появилось столько злости? Прямо до жесткого хладнокровия, до ледяной усмешки. И мне это понравилось. Может, я была жертвой только из-за излишней доброты?

Глава 5. Культура: физическая и социальная

Макс не оставлял мыслей о работе. После совершеннолетия им с Мирой в лучшем случае светила убогая квартирка от муниципалитета и возможность поступления в третьесортный вуз, если там будут льготы для детей-сирот. Но это не то, о чем мечтала сестра. Теперь полностью осознав, что в таком возрасте его никуда не примут, он искал другие пути заработка. Сан Саныч все же вызвал некоторое уважение – он был очень богат, очень влиятелен и очень занят, но тем не менее потратил время на какого-то незнакомого мальчишку. Поэтому Макс решил рискнуть еще раз, но теперь предварительно изучив обстановку.

В ту ночь атмосфера, окутавшая ночной клуб, была неестественной, что включило интуицию Макса на полную. Несколько странных мужчин кружили неподалеку, будто осматриваясь. Самого Макса они не заметили, но он с чего-то взял, что именно сегодня хороший день для новой попытки. Мальчик ждал, когда Сан Саныч отправится домой. В ночной клуб тот приходил раз в неделю, чаще всего уже глубокой ночью, и уезжал оттуда максимум через час-два, перед самым закрытием. Кстати, всегда трезвый, а из этого ночного клуба никто на твердых ногах, кроме работников, не уходил.

Едва мужчина сел в машину, парень подбежал к двери и попытался ее открыть, но та оказалась запертой. Сан Саныч глянул на него через стекло и, даже не удивившись, что-то сказал водителю. После этого Макс смог открыть дверь и юркнуть в салон.

– Привет-привет, дружок. Что же это за детдом у тебя такой, что ты спокойно болтаешься по ночам?

– Я умею быть незаметным, – буркнул Макс, до сих пор не решаясь высказать свою просьбу этому лысому мужику, который очень сильно отличался от всех взрослых, окружавших его. Скорее, он был похож на шефа в Организации, но говорил гораздо тише и спокойнее.

– Ладно, Макс. Давай, отвезем тебя туда. Степан, трогай! Куда ехать?

– Через два квартала налево, – ответил мальчик и тут же решил: – Сан Саныч, я буду полезным. Я способен выполнять поручения, с которыми больше никто не справится.

Машина тронулась с места, мужчина усмехнулся:

– И с чего же ты взял, что у меня есть для тебя такие поручения?

Парень этот разговор прокручивал в голове много раз:

– В вашем клубе продают наркотики. Я это точно знаю – видел некоторых посетителей, проследил за ними. И еще людей видел с оружием.

Сан Саныч приподнял бровь, но теперь улыбался шире:

– Ну, раз ты такой умный, то должен понимать, что тебе тут не место. Знаешь, сынок, я много чего в жизни натворил, но делать ребенка наркокурьером пока не готов.

– Зря, – с едва ощутимым нажимом ответил Макс. – Вы бы не были разочарованы.

– Уверен в этом. Но и ты должен меня понять, – Сан Саныч осекся, потому что машина резко остановилась.

– Что-то не так, – раздалось со стороны водителя.

Макс оценил обстановку в доли секунды, услышав щелчок предохранителя снаружи. Путь им перегородил другой автомобиль, но люди приближались сзади.

– Что слу... – Сан Саныч не договорил, придавленный рукой Макса к сидению. Он едва успел уловить звенящий лязг пробивающей стекло пули. Следующая вошла прямехонько в висок Степана, который даже не заметил выбегавших из темноты к машине людей.

– Голову не поднимать, – Макс перешел в режим тренировки с огнестрельным оружием.

Молниеносно открыл противоположную от нападавших дверь, и, оказавшись на земле, тут же перекатился в сторону. Рванул к ближайшему, который его заметил, пришлось приподняться от поверхности, чтобы выбить пистолет и ударить ногой в живот. Дезориентированное

тело резко развернуть, чтобы именно оно встретило следующую пулю. Снова к земле, но по скошенной траектории вперед, сбивая другого с ног. И, несмотря на то, что этот жив и скоро снова станет опасен, сразу к третьему. Занырнуть за спину, два удара ногой и только потом сломать руку, зажимавшую пистолет. Едва жертва захрипит – тут же ломать и вторую, прямо в локтевом суставе, ведь неизвестно, на что способна его левая рука. И ногу – одну, только чтобы не ушел. Вернуться ко второму, почти ласково обхватить за шею и придушить, пока не потеряет сознание. Задание выполнено. Один труп, двое недееспособных. Макс пытался вспомнить, что конкретно было в задании: убить всех нападавших или просто защитить охраняемый объект?

Ощутил он себя в реальности, только услышав голос Сан Саныча, который быстро говорил по телефону. И лишь когда на безлюдной улице остался слышен только болезненный стон одной из жертв, мужчина вышел из машины, не отнимая телефона от уха. Коротко осмотрелся, перевел взгляд на Макса, который просто кивнул – «все чисто», и потом открыл дверь со стороны водителя. Двумя пальцами коснулся шеи Степана.

– Твою мать! – это было слишком громко, слишком надрывно для такого спокойного человека.

Макс повернулся на звуки быстро приближавшихся автомобилей, из которых выпрыгивали люди, даже не дождавшись, когда машины остановятся. По отсутствию реакции Сан Саныча понял, что это его друзья, работники, банда – не имеет значения. Свои.

И даже видя, как сильно тот расстроен смертью водителя, решил использовать шанс. Шагнул к нему и дождался усталого взгляда:

– Похоже, что я вам помог.

Тот наконец-то ответил – тихо и болезненно устало:

– Помог. Спасибо. Но если ты думаешь, что теперь я дам тебе работу, то очень ошибаешься. Никогда, запомни, сынок, никогда ты не будешь на меня работать. Такой грех я с собой в могилу брать не хочу.

Однако в детский дом он явился сам. Буквально через неделю. Сначала переговорил с заведующей, а уже потом подошел к Максиму и Мире, которые гуляли во дворе, лениво пиная еловую шишку.

Весь разговор Сан Саныча с Максом сводился к следующему: мужчина хотел усыновить мальчика. И сразу обозначил, что делает это не из огромной любви или благодарности, а скорее, наоборот. Ему был нужен наследник, который может постоять за себя. И Макс на эту роль подходил, но должен был осознавать всю грозящую опасность. На замечание, что у того есть сестра, Сан Саныч только покачал головой. Нет, он втягивает в эту воронку одного ребенка, второго туда уже точно не потащит.

Мира тогда впервые узнала, что такое страх. Она испугалась, что теперь останется одна, но и остановить Макса не смогла. Тот, вопреки всей ее уверенности в нем, сразу согласился на предложение Сан Саныча, даже не обсудив это с сестрой. На ее протесты он отвечал одно: «Все это только ради тебя. У тебя будет любая жизнь, какую ты захочешь. А пока тебе лучше остаться тут и просто подождать». А Мира уже не хотела ни института, ни красивых вещей... Лишь бы брат не уходил.

Сразу после оформления документов Макс уехал. Конечно, его перевели в другую школу. Но через пару дней он вернулся в детский дом уже посетителем, чтобы повидаться с сестрой. И потом каждый день после школы водитель отвозил его в это место на полчаса. Чаще всего они даже ни о чем не разговаривали, а просто сидели рядом на лавке во дворе. Но Мира, поняв, что Макс и не собирался ее покидать, успокоилась, хотя и продолжала скучать по нему каждую минуту, когда его не было рядом.

Настоящие мотивы Сан Саныча стали им известны гораздо позже, но все равно они имели все основания считать встречу с ним большой удачей.

* * *

Белов не особо меня доставал. На перемене вообще ушел куда-то с Максом – вроде бы в библиотеку. Это будет просто замечательно, если я сдружусь с Мирой, а мой враг – с ее братом-близнецом. Но я уже поняла, что те никогда не пойдут друг против друга, и это станет презабавнейшим зрелищем, как мы их между собой делить будем. Это раздражало меня даже больше, чем предыдущие оскорбления Белова.

Проходившая мимо моей парты Наташа словно невзначай смахнула на пол тетради с учебниками. Я знала, что сейчас нельзя расплыться на всех – моим основным противником должен был оставаться Белов. Но поскольку того в классе в данный момент не было, я не стала сопротивляться внутреннему порыву – вскочила и со всей силы толкнула Наташу в спину. Та не упала, но, развернувшись, заорала благим матом, привлекая внимание окружающих. Я же нашла в себе силы не отступить. Быстро подняла свою ручку с пола и, дождавшись паузы во всеобщем возмущении, крикнула:

– Еще шаг – и я тебе ручку в глаз воткну! – уж не знаю почему, но при этом я была уверена, что способна такое сделать.

Мира некстати хихикнула, что в гробовой тишине прозвучало как-то особенно неизящно.

– Большая! – ответила Наташа с некоторой истерикой. – Потом огребешь!

И спешно завалилась на свое место. А я в ее словах расслышала только чудесное «потом» вместо обычного «прямо сейчас». Под шумные выкрики поддержки бедной Наташе и угроз мне я собрала вещи и села на место, стараясь скрыть от окружающих, как сильно трясутся руки. Мира повернулась и как ни в чем не бывало спросила:

– А может, сегодня по магазинам? Или в кафе? Меня так достало сидеть дома, а гулять с Максом – это гулять с Максом... То есть слушать только себя.

– А давай! – ответила я, ощущая благодарность за то, что она заполнила внутреннюю паузу, не позволив той перерасти в панику.

А после математики у нас была физкультура. Я, несмотря на весь настрой, очень боялась ответной реакции Наташи на мой бунт, поэтому старалась держаться на расстоянии. Впрочем, как всегда. Мира заняла шкафчик рядом с моим – чуть поодаль от остальных, сразу напротив душевых кабин. Как бы она там ни говорила, что никакой прямой помощи мне оказывать не станет, ее пребывание рядом сильно успокаивало. С прозвеневшим звонком она забросила юбку от школьной формы, которая до сих пор лежала на лавке, в шкафчик. Сделала она это, не особо разбираясь. Да и какая разница? Как выяснилось потом – разница была и очень существенная.

После общей разминки в оставшиеся двадцать минут физрук предложил парням поиграть в баскетбол. Девочки при этом могли прохлаждаться на скамейке. Я села отдельно от остальных, и Мира, к моему вящему удовольствию, ко мне присоединилась. Я уж было подумала, что она пересмотрела свои представления о дружбе, но оказалось, что ей просто нужна информация:

– Даш, баскетбол? Зачем? Я по телевизору видела пару раз, но как-то особо никогда не интересовалась.

– Ну да. У нас тут вообще любят баскетбол. Белов, кстати, капитан сборной. Соревнуются с другими школами... А чего ты так распереживалась?

– Да нет, я не переживаю. Но Макс не умеет в баскетбол, насколько я знаю.

Посмотрев на ее брата, я увидела, что он остановился, соображая, что делать. Но к нему тут же подлетел Белов.

– Ты чего тормозишь?

Тот потер указательным пальцем висок, что в его случае означало задумчивость или смущение, и объяснил причину задержки.

– Николай Васильевич, – громко обратился Костя к физруку. – Танаев не умеет. Что ему делать?

– Как это не умеет? – всполошился пожилой, но очень бойкий учитель. Сам он баскетбол просто обожал – наверняка, в том числе и за победы сборной школы только в этом виде спорта. – В баскетбол не уметь нельзя! Сейчас научим, не переживай, новичок. У нас же, в конце концов, не соревнования, а урок! В общем, главная задача – попасть мячом в кольцо противоположной команды...

Макс, как и Мира, похоже, не интересовался правилами игры, даже когда видел матчи по телевизору. Хотя... возможно, в детском доме и не было каналов, по которым демонстрируют игры NBA.

– Вот так? – спросил Макс и одной рукой кинул мяч через весь зал в направлении корзины. Тот ровнехонько вошел в кольцо, едва колыхнув сетку.

В звящей тишине раздался синхронный вдох.

– Это-ж-просто-нихрена-ж-себе-иметь-меня-в-зад, – высказал свое авторитетное мнение преподаватель элитной гимназии, обладатель звания «Учитель года» и заслуженный тренер. – А еще раз так сможешь?

Обалдевший, как и все, Белов подхватил мяч и броском снова передал Макс. Тот поймал и, вроде даже не целясь, повторил тот же трюк. На этот раз зал отозвался выдохом и восхищенными междометиями.

– Это-ж-просто-нихрена-ж-себе-иметь-меня-в-зад, – прекратил все споры на корню физрук. На этот раз ребята начали смеяться, а в первый раз, видимо, просто решили, что послышалось.

– Никола-а-ай Васильевич! – с веселым упреком обратился к нему Белов.

– Какой еще Николай Васильевич, Костя?! Записывай эту прелесть в команду. Быстрее!!! – очевидно, он впадал в какую-то панику. – Как ты сказал твоя фамилия, мой любимый ученик?!

– Танаев, – ответил Макс, терпя нервные похлопывания по плечу.

– Тана-а-ев! – пропел физрук. – Музыка для моих ушей! А отбивать, уходить от атаки, блокировать можешь? Что еще умеешь?

– Да ничего не умею. – Думаю, Макс был озадачен. Я теперь могла иногда различать слабые сигналы его эмоций.

Мира смеялась, видимо, от гордости за брата. Отошедшие от первого шока парни окружили Макса и наперебой объясняли, как конкретно нужно играть. Роба Белова была почти такой же счастливой, как у физрука, который едва держался, чтобы не лишиться чувств. И ведь не боится же, глупый блондинчик, что теперь перестанет быть лучшим игроком сборной! Очень-очень плохой знак... Так они и в самом деле могут стать друзьями. Но за Макса я была рада, хоть ни на одной межшкольной игре до сих пор и не присутствовала.

Таким образом, урок физкультуры был ознаменован болезненным восторгом, приподнявшим всем настроение. Николай Васильевич задержал Белова и Макса после звонка, чтобы о чем-то поговорить, а остальные отправились в раздевалку.

Мира открыла сначала свой шкафчик, а потом, сообразив, заглянула в мой.

– Где юбка? – спросила она у себя самой.

А я уже поняла, поворачиваясь на шум воды. Дверца крайней душевой кабинки была приоткрыта, и вода тонкой струйкой текла на синюю тряпку, лежавшую прямо на железной решетке. Мира юбка.

Но Мира соображала быстрее меня. Она резко наклонилась к тяжелой лавке и с силой передвинула ее в сторону двери, перекрывая выход. Теперь удрать можно было, только убрав эту скамью, грохот которой привлек внимание всех присутствующих, заставив притихнуть.

– Мира? Ты чего? – удивленно спросила Катя.

Моя подруга молча указала пальцем на открытую дверцу душевой. Девочкам понадобилась минута, чтобы понять, что произошло.

– Это точно твоя? – переспросила Настя, а после утвердительного кивка добавила: – Кто-то перепутал с Николаевской! – и хохотнула. Но моментально осеклась под взглядом Миры.

– Девочки! – неожиданно звонко и весело заговорила хозяйка пострадавшей вещи. – Посмотрите-ка, какая неприятность со мной произошла. И кто же так ошибся?

Я не понимала, чего она хочет добиться. Что кто-то сейчас признается: мол, прости, собиралась поиздеваться над Николаевой, а получилось над тобой? Не понимала, но и не вмешивалась, продолжая стоять в стороне ото всех.

Девочки выстроились перед ней полукругом, тоже гадая, к чему она ведет.

– Я так понимаю, никто не склоняется к искренности, да? – уточнила Мира, заставив их переглянуться. – И что же мне делать в такой трагической ситуации?

Яна сложила руки на груди и твердо сказала:

– И чего же ты хочешь? У нас остался только классный час – иди в спортивном костюме, ничего страшного.

– Неужели? – Мира говорила каким-то слишком мягким, не подходившим ситуации, голосом.

– А что делать? Или ты хочешь, чтобы тебе кто-то отдал свою? – Яна держалась уверенно, чего про остальных сказать было нельзя.

– Мне чужая не нужна. Я полжизни носила чужие вещи, надоело. Но как же мне быть, девочки, такая неприятная ситуация... Мне не хочется идти в спортивном костюме одной. Я еще новенькая – и сразу так выделяться!

Яна пожала плечами, остальные молча ждали продолжения. Мира подошла к Кате и выхватила у нее из рук юбку, та только вскрикнула от неожиданности. Танаева, прямо как недавно ее брат с баскетбольным мячом, легко закинула вещь сквозь открытую дверь душевой кабинки под струю воды.

– Эй! – закричала Катя. – Ты спятила?

– Смотрите, девочки, а Катя теперь тоже идет на классный час в спортивном костюме! – ответила Мира всем, кроме самой Кати, а та забежала в кабинку, выхватила свою юбку и начала ее выжимать.

– Ну и как это называется? – хмуро спросила Наташа.

– Это называется солидарность. Поддержка. Укрепление корпоративного, мать его, духа. А не ты ли Даше хотела отомстить? Твоих рук дело?

– Нет! – Наташа даже вышла вперед. – Не я. Честно.

– И как же мне тебе поверить? Я слышала, как ты ей угрожала, а потом по ошибке поставила меня в такое неприятное положение – все логично.

– Да не я это! – та заметно разозлилась. Я верила, что она говорит правду. Наташа была прямолинейной – она обычно не отрицала, если что-то делала. – Вот, смотри! – она шагнула к своему шкафчику, вытащила оттуда юбку, подошла к душевой и сама закинула ее под воду. – Доказала? Только отстань уже ради бога.

Мира ответила дружелюбно:

– Спасибо, подруга. Я знала, что ты не оставишь меня в беде.

– Мира, успокойся, – снова подала голос Яна.

На самом деле Мира выглядела совершенно спокойной. Девочек в классе было всего десять, считая нас двоих. Я, кажется, поняла, чего она хочет. Но это просто невозможно! Хотя

бы потому что против всех ей не устоять. А чтобы не быть против всех, нужно было их разъединить. Она хотела создать раскол – для этого была словами по очереди: сначала самая безобидная Катя, которая может выступать только из-за спины более сильного, а одна ничего не стоит; потом импульсивная Наташа, которая или кинулась бы в драку, или поддержала бы Миру – а Мира ей нравилась, поэтому ставка была невелика. И когда она успела их всех так хорошо изучить? Следующей, по моей логике, должна была быть Настя.

– Настенька! – еще мягче и добрее обратилась к застывшей однокласснице Мира. – Мне интересно, ты за солидарность или против?

Почему они не бросаются на нее все разом? Что она смогла бы сделать против всех? Почему оступело ждуть, давая ей проредить их до сих пор монолитный строй? Возможно, нежелание портить с ней отношения? Нет, тут другое. Чтобы толпа перешла к активным действиям, кто-то должен стать первым, за ним последуют остальные. И в данном случае первым быть никто не решался. Точнее, они упустили этот шанс в самом начале.

– Знаешь что, Мира, – ответила Настя. – Мне очень жаль, что ты попала под раздачу, но и поддерживать тебя сейчас никто не обязан.

Дверь, открывающаяся внутрь, стукнулась о лавку.

– Что у вас там происходит? – раздался голос Белова.

– Дедовщина происходит. Прямо по-детдомовски! – ответила Мира и с силой захлопнула дверь. – Или женская взаимовыручка – посмотрим, как получится.

– А-а, ну окей, – раздалось из-за двери. Вероятно, там весь разговор был слышен.

После этого девочки напряглись сильнее.

– Ну так что, Настя? – Мира вернулась к своей последней жертве.

Наверное, нескольких секунд рыжей хохотушке хватило на то, чтобы переосмыслить отношение к происходящему. На самом деле Настя была еще более простым вариантом, чем Наташа. Сегодня я и, конечно, внимательная Мира видели, что ей небезразличен Макс. А значит, портить отношения с его сестрой из-за какой-то юбки, которая уже через пару часов высохнет, было бы глупо.

– Солидарность так солидарность, – сказала Настя, шагнув к струе воды.

Внутренне я ликовала. Но оставалось самое сложное. Следующей я бы выбрала Кристину: она лучшая Настина подруга – а на поддержку лучшей подруги решиться гораздо проще. Но Мира пошла ва-банк:

– Яна?

Та рассмеялась.

– Успокойся уже, тут тебе не детдом. И что ты сделаешь? Бить будешь?

Мира прищурилась и стала совсем похожа на довольную кошку:

– Буду, солнышко, буду. Только не кулаком, а информацией. И не тебя, а...

Вот так. Не моргнув глазом, она ударила самым подлым образом – шантажом, что расскажет Никите о Яниных проделках. Но я ее не осуждала – если начинаешь бить, уже поздно оглядываться. Яна расцепила руки и крикнула, заметно побледнев:

– Ладно! Черт с тобой! – и закинула свою юбку поверх общей кучи.

После того как сдалась Яна, остальные даже и не думали спорить – теперь они остались в меньшинстве, а такого с ними еще не случалось. Я со смехом бросила свою юбку в душевую кабинку последней.

Странное дело, но некоторые из девчонок уже улыбались – ведь гораздо проще отнестись ко всему как к шутке или, действительно, как к поддержке невинно пострадавшей, чем продолжать нагнетать обстановку. Влажные юбки все сложили в мешки для спортивной обуви, и, в общем-то, ни с кем катастрофы не произошло. Мира отодвинула лавку, шутя, как они всё будут объяснять сейчас классной. Кто-то даже поддержал ее, но вдруг моя подруга выпрямилась.

– Яна! – вот сейчас в ее голосе впервые появилась жесткость. – Я знаю, что это ты сделала. Видела, как ты во время урока бегала в раздевалку. Единственная. Поверь, я очень внимательная.

Та заторможено повернулась:

– Нет, не я! – но что-то в дребезжании ее голоса заставило остальных переглянуться.

– Так вот, – продолжила Мира. – Если у нас с тобой какие-то проблемы, то прямо и скажи.

– Какие у нас с тобой могут быть проблемы? – и Яна слишком поспешно ушла, тем самым впервые показав остальным, как у нее сдали нервы.

– Я что-то не поняла, – пробормотала Наташа. – Если ты сразу знала, что это Яна, то к чему весь этот цирк?

– Не знаю... – с легкостью ответила Мира. – Хотела выяснить, кто тут ко мне хорошо относится. Выяснилось, что все, – она рассмеялась.

И Наташа, покачав головой, тоже усмехнулась.

Нет. На самом деле Мира показала всем, что с ней лучше не связываться. Навсегда отбила охоту объединяться против нее в любом варианте развития событий. Откуда у нее столько внутренней силы? Я не сомневаюсь, что это некоторых и сдержало – уверенность в том, что Мира не остановится и перед дракой, если до этого дойдет.

Выйдя из раздевалки последней, я вспомнила о железобетонном фундаменте ее самоуверенности – он сидел на подоконнике рядом с Беловым.

– Порядок? – спросил брат.

– Порядок, – ответила сестра. – Выбила страйк.

Она ничего не боялась, потому что за ее спиной всегда был Макс.

– Новая мода? – поинтересовался Костя, подразумевая дефиле в спортивном стиле с участием всех девчонок класса.

Ему никто не ответил, а мое настроение не могла испортить даже его противная физиономия.

Вот только зачем Яна это сделала? Теперь я почему-то была уверена, что она точно знала, что берет не мою юбку. Яна, которая к моим вещам до сих пор не прикасалась, держалась выше этого. И тут вдруг... Возможно, она хотела настроить коллектив против Миры, как когда-то сделал со мной Белов? Ей это не удалось, но заранее она вряд ли могла предположить, что ситуация повернется именно так. Зачем? Злитесь на Макса, поэтому решила отыграться на его сестре? Или завидует, что ее постепенно перестают называть самой красивой девочкой в школе? Не слишком ли хорошего мнения я была до сих пор о Яне? А может, через Миру она хотела обострить отношения класса и с Максом, ведь тот бы все равно за нее заступился? Да, похоже на правду. Вот такая месть – единственное, что она могла себе позволить. И та провалилась. Значит, Макс будет продолжать... потакать своему психологическому сдвигу. Ура! Мои губы снова, уже не в первый раз за сегодняшний день, раздвинулись в ехидной усмешке. Ах, как, оказывается, приятно быть отрицательным персонажем. Интересно, а что в нашем злодейском кружке делает Белов?

Глава 6. Изменение ролей

Мы договорились с Мирой встретиться в кафе в семь. Дома я коротко отчиталась перед мамой о своем дне, не затрагивая большинства вопросов. Я многое ей рассказывала, но никогда о самом главном. А теперь приходилось только радоваться, что хороших новостей для отчетов становится больше, а запретных тем – меньше. Мне показалось, что мама не в восторге, что я сдружилась с детьми из детдома. Наверное, у нее оставалась некая предубежденность против таких. Хотя после сегодняшних событий в женской раздевалке, я бы не смогла сказать, что эта предубежденность беспочвенна – Мира могла быть очень опасной; но уверена, не для меня.

Тем не менее на встречу меня мама все же отпустила. А это был первый выход в свет за долгое время! С друзьями из старой школы отношения как-то сами собой постепенно рассосались, поэтому они перестали звать меня гулять. А самой навязываться я в себе сил не нашла. В гимназии же до недавних пор друзей и не имелось.

Я принарядилась и расчесала выющиеся волосы, чуть подкрасила глаза, чтобы доставить удовольствие Мире, считавшей, что выходить из дома без косметики хуже, чем голой. Вне школы у меня не было необходимости оставаться серой мышкой, а лишний комплимент от подруги только еще больше поднимет настроение...

...которое рухнуло в преисподнюю, едва я вошла в слегка затемненное помещение кафе. За столом, кроме Танаевых, сидел и Его Дерьмейшество.

Может, просто развернуться и уйти, обозначив этим самым личную позицию? Ага. И преподнести Белову на блюдечке своих друзей. Ну уж нет! Он у меня и так слишком многое отнял, этих двоих я ему живыми не отдам!

– Привет, – я села напротив ухмыляющейся морды. – Рада видеть тут... всех. Вы бы еще собак дворовых притащили для компании, раз сюда весь шлак пускают.

Мира просто пожала плечами, а Макс отреагировал... как Макс, ему и дела не было до наших локальных конфликтов, пока вокруг шныряла такая длинноногая и улыбчивая официантка. Посетителей в зале почти не было, поэтому крутилась она в основном возле нас. Зато Белов меня встретил приветливым:

– И ты тут, страшилка! Наконец-то у нас с тобой настоящее свидание!

А я только сейчас осознала одну простейшую вещь: здесь он мне ничегошеньки не сделает! Ни-че-го! Это не школа с ее молчаливым или громогласным одобрением одноклассников. Вряд ли работники кафе нормально отреагируют, если он начнет меня за волосы таскать по залу. И ведь он прав, это первая наша встреча вне привычной ему обстановки. Кажется, настроение – штука поправимая.

– О, Белов! И ты тут, а то я сразу и не узнала, – почувствовав полную свободу, я решила ни в чем себя не ограничивать. – Теперь мы можем нормально поболтать! А то я давно хотела расспросить, что же с тобой такого страшного случилось, что ты такой мразью вырос? Групповое изнасилование в младенчестве или банальное чувство неполноценности из-за маленького члена? Давай же, не томи.

Костя драматично закатил глаза к потолку.

– «Ко-ко-ко» в переводе на человеческий язык. Психологический портрет сочинила, мартышка? Я точно расслышал кукареканье про чувство неполноценности от сучки, стоявшей передо мной на коленях?

Мира неожиданно соизволила вмешаться, не дав мне произнести нелитературный ответ:

– Слушай, Костя, а на самом деле, что не так?

– В смысле? – вопрос сбил его с мысли.

– Если серьезно, то уже любому бы надоело. Даже одноклассники-то издеваются будто по привычке, без задорного огонька. Насколько я поняла, пыл уже у всех на нет сошел. И только ты не унимаешься.

Белов расслабленно улыбался, подперев рукой подбородок:

– И как ты себе это объясняешь, красавица? Таки групповым изнасилованием в младенчестве?

Мира серьезно всматривалась в его глаза, будто на самом деле искала ответ:

– Не исключаю. Но не таится ли за этой ненавистью что-то еще? Какая-нибудь скрытая страсть, например? Может, ты влюбился в Дашу, но пока не знаешь, как свернуть с выбранной траектории?

Белов заметным усилием воли заставил себя соорудить серьезное выражение лица и обратился ко мне:

– Точно! Николаева, выходи за меня замуж!

– Я себе скорее руку по локоть отгрызу, – честно ответила я.

– Что, не нравлюсь? – он прищурился, продолжая игру.

На самом деле действительно не нравился. Никогда. Я из тех людей, что видят глубже внешней оболочки. Меня не интересуют ни его рост, ни цвет глаз, ни подвешенный язык, если внутри он сплошное дерьмо. Конечно, весь этот диалог был шуткой, но я попыталась ответить искренне:

– Знаешь, Белов... Если я когда-нибудь хотя бы на долю секунды увижу в тебе человека, то смело вызывай санитаров из психушки. Стокгольмский синдром – это не про меня. Я ненавижу тебя... до отчаянья. Представляешь, я иногда радуюсь, что слабее тебя! Потому что если бы я только могла сломать тебе руку или ногу... просто если бы физически это могла, то я точно бы не остановилась. Даже если бы этим создала себе серьезные проблемы, понимаешь?

– Могу научить, – неожиданно обозначил свое присутствие за столом Макс, при этом не удосужившись оторвать взгляд от официантки. – Это не так уж и сложно.

Белов же ухмылялся:

– Жаль, что не нравлюсь. Если бы ты еще за мной бегать начала, после нашей-то длинной истории – это был бы тот еще номер! Я бы лично уржался до смерти – а ты ведь именно об этом мечтаешь?

И снова вместо меня ответила Мира:

– Вон, наш заказ несут. Даша, я тебе тоже заказала на свой вкус, ты не против? – я кивнула, обозначая согласие. А голос моей подруги неожиданно сменился на приглушенную злость: – Но если вы продолжите общаться в том же духе, то мы с Максом уйдем. Потом делайте друг с другом, что хотите. Ясно?

Костя поднял руки вверх:

– Не горячись, красавица! Я всегда за перемирие! А брат-то твой тоже не особо тут присутствует. Он под юбкой официантки обитает, – он хлопнул Макса по плечу, но тот от девушки так и не отвернулся. – Ты чего залип на ней? Ну подойди, спроси телефончик.

Белов решил, видимо, поделиться опытом профессионального соблазнителя, даже не представляя... Усмехнувшись, я подвинула к себе один из салатов, довольная тем, что знаю о Максе больше, чем Белов. Это однозначно свидетельствовало о том, что я им ближе, чем он. Очень приятно ощутить такую маленькую победу в дележе территории. В смысле, Танаевых.

Девушка, конечно, тоже давно заметила пристальное внимание к себе, поэтому, выставив перед нами еду, бегло улыбнулась – то ли смущенно, то ли призывно, – я в таких тонкостях не разбираюсь. Макс отлепил взгляд от ее ляжки, расслабленно откинулся на спинку стула и посмотрел прямо в глаза. Гипнотизирует, что ли? Едва та отошла, Белов решил привлечь его внимание:

– Ма-акс! Максимушка, душа моя! Вернись ко мне, я все прощу.

Тот наконец-то соизволил взглянуть и на соседа по столу, ожидая объяснений, по какой причине его оторвали от столь важного занятия. Белов же был совершенно серьезен:

– Слушай, а ты умеешь улыбаться?

Макс устало наклонил голову и почесал пальцем висок.

– Умею, – о, даже я не ожидала, что он ответит. – Просто в данный момент не вижу причины.

– Ничего себе! – возмутился его собеседник. – Какой же тебе повод нужен? Ты отдыхаешь в компании двух великолепных нас... и курицы, которая сегодня даже моську свою намалевала ради тебя!

– Не ради меня, – спокойно заметил Макс, снова заарканив зрачками официантку. – Но Даша сегодня действительно хорошо выглядит.

Я улыбнулась комплименту, хотя Макс ни разу на меня даже не посмотрел. Мне и не нужно было его одобрение, я восприняла это как поддержку. Тем более что и Мира тут же подхватила, заметив, что и в школу я должна ходить «такой же классной». Костя только скривился, не желая, видимо, замечать положительные отзывы обо мне. Поэтому снова вернулся к бедному Максусу.

– Понравилась тебе эта Анна, я смотрю. – Имя официантки было указано на бейджике. – Она и так уже постоянно сюда поглядывает. Но сразить девушку можно только безупречной улыбкой. Давай же, приятель, напрягись!

Не вызвав никакой реакции, кроме смеха Миры, он указательным пальцем ткнул в уголок рта Макса и потянул наверх. На фоне неизменившегося выражения лица парня даже улыбка Гуимплена выглядела бы более естественной. Он терпеливо ждал окончаний издевательств.

– Бли-и-ин! Танаев, а ты красавчик! Какое сногшибательное обаяние, аж в зале светлее стало от твоих лучей добра!

– Отстань от него, Костик, – решила вступить за брата развеселившаяся Мира. – Ставлю сотню, что ты увидишь его улыбку примерно... – она взглянула на часы, – минут через сорок.

– Не понял, – не понял «Костик».

Макс же встал и молча направился вглубь зала к удивленно застывшей официантке. Мне очень нравилась мысль о том, что Белов не понимает, что именно происходит, в отличие от меня. Поэтому я решила использовать хотя бы этот козырь:

– Мира, думаешь, сорока минут хватит? – с полной серьезностью поинтересовалась я.

– На что? – Костя был озадачен, но ответа так и не дождался.

Мира почему-то отмахнулась, не желая комментировать. Не думаю, что из «сдвига» Макса они делали какую-то тайну – мне ведь рассказали легко и сразу. Может, она была зла на брата, или это не полагалось обсуждать в его отсутствие. В общем, и это мне сыграло на руку. Пусть помучается хоть таинственностью мой любимый Белов, потому я продолжила:

– Сотку ставишь, ты сказала? Отвечаю! Ставлю, что вернется позже!

Мира снова оживилась, вовлеченная в мою игру:

– Отлично! Костя?

Тот склонился к столу, переводя взгляд с меня на нее:

– Так-так-так, дамы, – он от волнения и меня заодно «дамой» окрестил. – А в чем суть дела-то? Макс пошел у нее номерок спросить или свидание назначить? Зачем ему сорок минут?

– Ага, – отозвалась Мира. – И номерок спросить, и свидание назначить, которое прямо сейчас и будет проходить где-нибудь в кабинке туалета, если у них нет комнат для персонала.

– Да гонишь, – отрезал Костя. – Не может быть. Это ж официантка, а не проститутка. Да и выглядит неплохо – такую уламывать надо как минимум свидания два.

– Значит, ты ставишь на то, что Макс ее сейчас не уломает? – подключилась я. Я до сих пор с трудом представляла, как брат Миры это все проворачивает, но, по ее рассказам, проколы

у него случались крайне редко. Я сейчас внутренне гордилась нашим с ней Максом и готова была ставить на него, лишь бы показать Белову, что его место чуть поодаль от нашего тесного круга друзей.

Костя еще раз глянул в зал, где ни Макса, ни официантки уже не было, подумал секунду и произнес уверенно:

– Ставлю. Сколько? Сотку?

– Ну уж нет, – я ликовала. – Проигравший оплачивает ужин за всех.

– По рукам, – Костя протянул мне ладонь, на которую я только брезгливо посмотрела. Сам он, видимо, в азарте и забыл, какие у нас взаимоотношения.

Мира перехватила его руку и пожала сама:

– Значит, так – если уломает, то платишь ты. Если нет, то Даша. С какой стороны ни посмотри, я в выигрыше.

Для меня не стало бы большой проблемой оплатить ужин – родители мне давали достаточно денег, а тратить их до сих пор было некуда. Но тут важнее победа. Белов попытался еще о чем-то спросить, но Мира перевела разговор в другое русло, начав расспрашивать нас обоих о семьях, увлечениях и прочем. Пришлось отвечать. Оказалось, что я жила дальше всех от гимназии. В свою очередь, на расспросы Кости о месте жительства Танаевых она предложила после кафе съездить к ним в гости, посмотреть, если так интересно. Спиртное заказывать не стали – Мира сразу обозначила, что ее брат вообще никогда не пьет. Сама она к алкоголю относилась равнодушно: «Могу и выпить в компании друзей». Я же промолчала – было как-то стыдно признаваться, что больше глотка вина на каком-нибудь семейном торжестве я ни разу не пила. Потом Мира с Костей обсуждали предстоящее школьное празднование Хэллоуина, которое меня лично никак не касалось. В языковой гимназии буржуйским праздникам всегда уделялось много внимания, но мое измученное тело на эти вечеринки, конечно, никогда не заносило. В общем, к моему удивлению, разговор за столом клеился – Мира легко переключалась с меня на Костю и обратно, не позволяя никому затихнуть надолго. Но вдруг она прямо посередине оборвала свой рассказ о жизни в Москве:

– Идет!

К нашему столику плавно продвигался герой дня. И он действительно улыбался, как недавно предсказывала его сестра! Едва раздвинув губы, задумчиво, расслабленно. Надо же, я впервые видела настолько сильную эмоцию на его лице.

И только он приземлился на стул, как попал под объектив одновременно трех трепетно ожидающих разрешения спора лиц.

– Что? – спросил сразу у всех и даже улыбаться не перестал, чем подтверждал мою уверенность в победе.

Костя тоже это понял, воскликнув возмущенно:

– Да быть не может!

– Плати, Костик, – вынесла вердикт судья.

– Не-не-не, погоди, – Белов не сдавался. – Макс, ну рассказывай – где был, что делал?

Макс с той же расслабленной улыбкой почесал пальцем висок.

– Телефон у нее взял? – Костя просто не мог поверить.

– А. Точно. Взял, – Макс достал из кармана джинсов клочок бумаги и протянул Белову. – Нужен?

Тот ошарашенно смотрел на выведенные женским почерком цифры:

– А мне-то зачем?

Макс чуть наклонился в его сторону и произнес почти торжественно:

– Ну, мало ли. Если тебе нужен знак качества от меня, то эта... как ее?

– Анна, – подсказала Мира.

Белов не стал дослушивать рецензию Макса на уже даже ему понятное событие:

– Да не может быть... Как?! Тридцать семь минут – уж слишком мало для «все включено»! Ты ей наплел, что арабский шейх или продюсер какой?

– Нет. Могу научить. Это не так уж и сложно, – ответил Макс точно тем же текстом, которым мне предлагал недавно научить ломать конечности Белова.

Костя обреченно достал кредитку и махнул другому официанту, чтобы принесли счет. Анна, кстати говоря, в зал еще не вернулась. А я не выдержала внутреннего восторга, подскочила, обняла Макса и звонко чмокнула в щеку, благодаря за свою личную победу. Он только еще шире улыбнулся, а сестра его расхохоталась и заметила:

– Хоть кому-то радость от твоих психологических проблем!

И на вопросительный взгляд Белова снова отмахнулась, закрывая эту тему.

Из кафе я выходила последней. И что-то дернуло меня обернуться – возможно, четкое осознание того, что увижу: рядом с нашим столиком стояла официантка Анна, стеклянными глазами уставившись на брошенный листок с ее номером. Да, она, конечно, королевой целомудрия не была, но что-то в этом замороженном стекле говорило о том, что она нечасто соглашается на секс с первым встречным, что этот порыв для нее был из ряда вон, что Макс ей понравился. Она еще не успела выстроить какой-то конкретный план того, что будет дальше, но и такого точно не ожидала. Сам Макс даже не глянул в ее сторону. Улыбка сползла с моего лица. Макс – неэмоциональное, зависимое от секса чудовище, которое вообще не смотрит, что оставляет после себя. Использовать, выбросить и забыть – вся его жизнь. Он вообще способен что-то чувствовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.